

Борьба советских органов государственной безопасности с Организацией украинских националистов. 1939—1941 гг.

ОТ РЕДАКЦИИ

Сегодня, накануне 65-летия освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков, мы публикуем статью о том, как Красная армия и органы НКВД боролись с боевиками ОУН. Эта тема в последние годы стала в Украине очень актуальной и очень мифологизированной, а зачастую просто спекулятивной. Материал *Олега РОСОВА* и *Евгения НАЗАРОВА* ценен своей объективностью — авторы предпочитают разговаривать с читателем на языке фактов и документов, а не на языке легенд и фальсификаций.

Авторы выражают искреннюю признательность Владимиру Воронцову за помощь в подготовке этого материала.

*«День назывался «первым сентября».
Детишки шли, поскольку — осень, в школу.
А немцы открывали полосатый
шлагбаум поляков...»
И. Бродский*

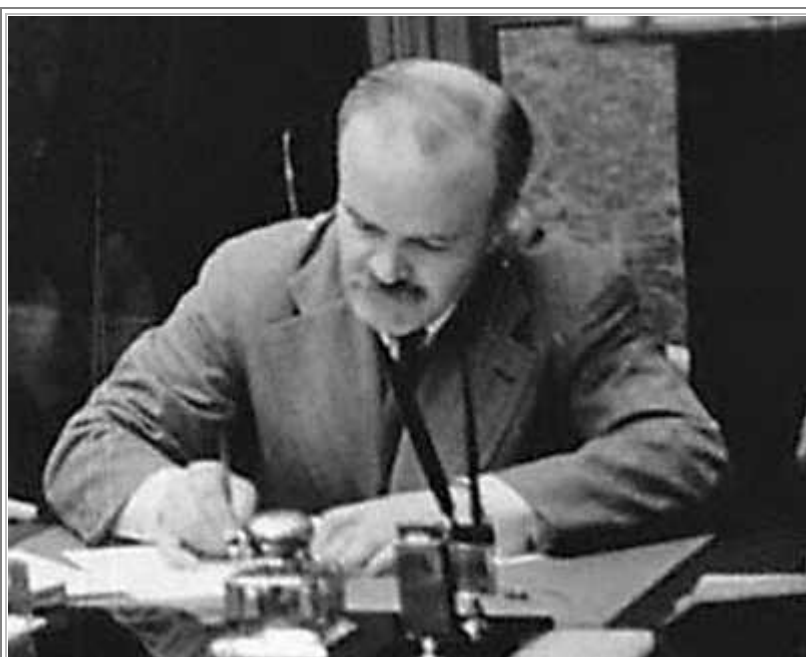
Немецкие солдаты ломают польский пограничный шлагбаум

1 сентября 1939 г. немецкие войска перешли границу Польши и в течение двух недель разгромили польские войска, оккупировав большую часть территории государства.

Рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер приветствует войска, вступающие в Польшу

17 сентября 1939 года председатель Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотов выступил по радио со специальным обращением в связи с разгромом польской армии и уже не существующего де-факто Польского государства.

В.М. Молотов

В нем он, в частности, заявил: *«...От Советского правительства нельзя также требовать безразличного отношения к судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих в Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая. Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям — украинцам и братьям — белорусам, населяющим Польшу.*

В виду всего этого правительство СССР вручило сегодня утром ноту польскому послу в Москве, в которой заявило, что Советское правительство отдало распоряжение Главному

командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии...»[1]

Можно по разному оценивать действия правительства СССР, однако, одно из последствий этих действий имело колоссальный эффект для Украины.

Дело в том, что в наследство от развалившейся под ударами вермахта Польской Республики, СССР, среди множества хозяйственных и социальных проблем, досталась мощная, хорошо организованная и законспирированная политическая сила, имеющая большой опыт конспиративной и боевой работы, и к тому же тесно сотрудничающая с германскими спецслужбами — Организация украинских националистов (ОУН).

Именно противостояние ОУН и советских органов госбезопасности будет определять социальную и политическую обстановку на Западной Украине в предвоенные годы, а в послевоенные перейдет в кровавую фазу, унесшую сотни тысяч жизней граждан УССР.

Сегодня поборники украинской нации утверждают, что ОУН боролась за свободу и независимость Украины, а вся кровь — это либо «очищение», либо «эксцессы», находящиеся исключительно на совести работников госбезопасности УССР.

Эта концепция сейчас превалирует в Украине и пользуется мощной поддержкой государственных органов, а в общественное сознание через СМИ вбрасывается огромное количество разнообразных мифов об ОУН. С другой стороны, приходится констатировать, что некоторые рьяные поборники защиты чести и достоинства Украинской ССР, не владея в достаточной мере информацией, не зная досконально, что на самом деле происходило в то время на вновь присоединенных западных территориях, также вносят свой вклад в эту политику мифотворчества. С противоположным знаком, но суть дела это не меняет. Тем более что подобное невежество лишь дает повод апологетам ОУН расписывать ошибки своих оппонентов и утверждать на их основе собственную правоту.

И дело ведь не только и не столько в нас самих, сколько в наших детях, которые сейчас являются основной мишенью националистического дурмана. И в то же время они — наше будущее, а потому должны знать, что происходило на самом деле. Без лжи и приукрашиваний. Слишком долго замалчивалась правда. Слишком долго нас и их держали в неведении, якобы из благих побуждений. Но мы хорошо знаем, куда ведет дорога, вымощенная такими побуждениями.

К слову, украинские националисты часто повторяют, что «советский агитпроп» сознательно дискредитировал деятельность ОУН и искажал факты. Такие утверждения беспочвенны, это всего лишь неуклюжие попытки выдать желаемое за действительное. Да, в советский период в украинских газетах публиковались статьи с материалами о преступлениях националистов по отношению к жителям УССР, но это были единичные публикации и только с объективной информацией. В то же время огромное количество документов и материалов не публиковалось вообще, а издавалось в секретных сборниках для служебного пользования, которые издавались крайне ограниченным тиражом. Как видим, это совершенно «не тянет» на агитацию и дискредитацию.

Итак, как же все начиналось? Какова история первого открытого столкновения СССР с украинскими националистами? Что действительно происходило в два последних предвоенных года в Западной Украине, и какова роль каждой из сторон в трагедии, разыгравшейся в течение десятилетий на многострадаальной украинской земле?

История противостояния украинских националистов и советских органов госбезопасности началась еще до 17 сентября 1939 г., т. е. до момента перехода частей Красной армии границы уже де-факто несуществующего Польского государства. Понятное дело, что советская разведка внимательно следила за разворачивающимся противостоянием между польской армией и Вермахтом. И выводы делали. Неутешительные, как для СССР, так и для Польши. В связи с этим встал вопрос о вариантах действий на случай поражения польской армии.

Уже 8 сентября 1939 г. наркомом внутренних дел СССР Л. П. Берией был подписан приказ № 001064 «Об оперативных мероприятиях в связи с проводимыми учебными сборами».[2]

Л.П. Берия

Согласно ему наркому внутренних дел УССР И. А. Серову предписывалось выделить 50 человек оперативных работников НКВД Украины и 150 человек оперативно-политических работников погранвойск, перебросив их в Киев к 22 часам 9 сентября.

Также в Киев в распоряжение И. А. Серова перебрасывались 30 оперативных работников УНКВД и 30 оперативно-политических работников погранвойск из Ленинградской области и 10 человек из аппарата НКВД СССР. На их основе в Киевском Особом военном округе организовывались 5 оперативно-чекистских групп, которые распределялись по армейским группам, создаваемым на случай введения войск на территорию Западной Украины. Из Киевского пограничного округа выделялся батальон погранвойск в обеспечение работы этих групп.

И.А. Серов

Наконец, специально на Украину был командирован замнаркома внутренних дел СССР В. Н. Меркулов.

На следующий день Серов отчитался о выделении работников и комплектации оперативных групп.[3] Важно подчеркнуть, что впоследствии, на основании личного состава этих оперативных групп будут сформированы территориальные управлений НКВД во вновь присоединенных областях Западной Украины.

На 12 сентября 1939 г. были сформированы и укомплектованы четыре такие группы, одна из которых оставалась в резерве.[4] По условиям учебных сборов территория их проведения разбивалась на группы населенных пунктов, поэтому каждая из оперативно-чекистских групп разбивалась на подгруппы в количестве 7—12 оперативных работников, по выделенным группам населенных пунктов. Вся работа планировалась в рамках объявленных военных сборов. Шла отработка взаимодействия войсковых соединений и оперативных подразделений органов внутренних дел.

В.Н. Меркулов

Момент истины наступил 15 сентября 1939 г., когда на имя В. Н. Меркулова и И. А. Серова пришла директива наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии относительно деятельности руководителей оперативных групп НКВД на вновь занимаемых советскими войсками территориях. Причем директива размножению не подлежала, даже руководство КП(б) Украины и высшее военное командование предписывалось с ней только ознакомить.

Текст директивы настолько красноречив, что необходимо привести обширные выдержки из нее:

«...Опергруппы НКВД должны провести следующие мероприятия.

1. Немедленно занять все учреждения связи: телеграф, телефон, радиостанции и радиоузлы, почты, поставив во главе органов связи надежных людей.

2. Немедленно занять помещения государственных и частных помещений банков, казначейств и всех хранилищ государственных и общественных ценностей и взять на учет все ценности, обеспечив их хранение.

3. Оказать всяческое содействие Политотделам армии и прикомандированным к ним работникам в немедленном занятии типографий, редакций газет, складов бумаги и в налаживании изданий газет.

4. Немедленно занять все государственные архивы, в первую очередь архив жандармерии и филиалов 2-го Отдела Генштаба (экспозитуры, пляцувок — органов разведки).

5. В целях предотвращения заговорщической предательской работы — арестуйте и объявите заложниками крупнейших представителей из помещиков, князей, дворян и капиталистов.

6. Арестуйте наиболее реакционных представителей правительственных администраций (руководителей местных полиций, жандармерии, пограничной охраны и филиалов 2-го Отдела Генштаба (воевод и их ближайших помощников, руководителей к/р партий — ППС — польской партии социалистов строжництво народове, национальной партии) бывших национал-демократической партии (сторонництво праці християнської), демократической партии О. Н. Р.

Повторяю, О. Н. Г. — национально-радикальный лагерь (организации польской националистической молодежи), УНДО — Украинского националистического демократического объединения О. У. Н. — организация украинских националистов, У. С. Р. П. — украинская социалистическая радикальная партия, Ф. Н. Е. — фронт национального единства, БНСО — Белорусская национальная социалистическая организация, Б. В. О. — Белорусского национального объединения (до 1934 г. именовалась Белорусской христианской демократией), Б. Р. П. (Белогвардейская эмигрантская монархическая организация), РОВС — Российский общевоинский союз (белогвардейская эмигрантская монархическая организация).

Аресты духовных лиц пока не производить, особенно католиков.

7. Занять тюрьмы, проверять весь состав заключенных. Всех арестованных за революционную и проч. антиправительственную работу освободить, используя эти мероприятия для вербовки агентуры и проведения политработы среди населения. Организовать новую тюремную администрацию из надежных людей, во главе с одним из работников НКВД, обеспечив строгий режим содержания арестованных.

8. Одновременно с проводимыми операциями, разверните следствие заключенных с задачей вскрытия подпольных к/р организаций, групп и лиц, ставящих целью проведения диверсии, террора, повстанчества и к/р саботажа. Лиц, изобличенных следствием в организации политических эксцессов и открытых к/р выступлениях, арестовывать немедленно.

9. Приступите к созданию агентурно-осведомительной сети с расчетом охватить в первую очередь государственный аппарат, к/р буржуазные помещичьи круги и политические партии.

Особое внимание уделить быстрой организации осведомительной сети в редакциях газет, в культурно-просветительных учреждениях, продскладах, в штабах, рабочих гвардиях и крестьянских комитетах.

10. Принять меры к выявлению и аресту агентов-provokаторов жандармерии, политической полиции и филиалов 2-го Отдела Генштаба, используя для этого также изъятый архив.

11. Обеспечить четкую организацию охраны общественного порядка. Организовать надежную охрану электрических станций, водопроводов, продовольственных складов, элеваторов и хранилищ горючего. Организовать борьбу с грабежами, бандитизмом, спекуляцией. Организовать работу по противопожарной охране, назначив нач. пожарных команд надежных людей.

Провести регистрацию и изъятие у всего гражданского населения огнестрельного оружия (нарезного), взрывчатых и радиопередатчиков.

12. Опергруппам НКВД необходимо занять помещения, соответствующие требованиям работы НКВД. Для содержания подследственных арестованных организуйте внутренние тюрьмы, обеспечив их охрану и обслуживание.

13. В целях обеспечения безопасности и бесперебойности работы ж. д. транспорта, работникам дорожно-транспортных групп НКВД на каждой крупной станции организовать агентурно-оперативную работу по борьбе с диверсией, шпионажем и к/р саботажем, проводя эту работу под руководством начальников опергрупп НКВД. Совместно с комендантом и комиссаром станции организуйте охрану станций, депо, ремонтных заводов, станционных складов, водокачек, желдоромостов, путей и связи...»[5]

В данном случае, анализируя предписанные задачи чекистским группам, мы видим вполне рядовую, рутинную работу органов госбезопасности по обеспечению нормального функционирования всех стратегически важных промышленных и гражданских объектов на освобождаемой территории. Спецслужбы любых стран в подобных ситуациях выполняют такую же работу.

Кстати, чтобы не возникало «традиционных» вопросов о грабежах, приведем еще один пункт директивы:

«16. Конфискации фуража и продовольствия у населения избегайте. Необходимый фураж и продовольствие покупайте у населения за наличные в советских рублях, объявив населению, что стоимость (курс рубля) равняется стоимости (курсу злотого)....»

Попутно обратим внимание, как был решен валютный вопрос — и близко не похоже на ограбление победителями побежденных.

Таким образом, оперативно-чекистские группы брали на себя функции временных органов госбезопасности во вновь присоединенных областях Украины с выполнением присущих этим органам функций. Временный центр управления группами организовывался в Тернополе с последующим переводом его во Львов.[6]

Что же получилось на практике?

На практике непосредственная организация оперативно-чекистской работы натолкнулась на множество проблем уже в первые дни. В частности, в спецдонесении на имя Л. П. Берии В. Н. Меркулов на второй день операции докладывал о «бардаке» при передислокации войск, организации комендатур и обеспечении комендатур войсками, катастрофической нехватке оперативных работников.[7] Оперативно-чекистским группам на местах приходилось помимо работы, указанной в директиве, брать на себя другие функции, в частности, работу с военнопленными и т. д.[8] О нормальной оперативной работе в таких условиях речи и быть не могло. Все выполнялось в авральном режиме военного времени.

Тем не менее эту работу чекистам все же удалось наладить, и она стала давать первые результаты.

В частности, только опергруппой в районе гг. Чертков, Коломыя, Печенежин, Косов, Снятын и Станиславов на 27.09.1939 г. было арестовано 923 человека, в основном бывших полицейских и офицеров польской армии, однако среди арестованных также оказались и активные члены ОУН. По Львову на эту же дату закончено 10 следственных дел на украинских националистов[9], активно разворачивалась и агентурная работа.

В противовес утверждению, что на освобожденных территориях шли повальные аресты, **приведем выдержку из спецдонесения В. Н. Меркулова на имя Л. П. Берии от 28 сентября 1939 г. о работе оперативно-чекистских групп в Западной Украине:** «...Арестовываем исключительно по материалам следствия и агентуры. Работа дает удовлетворительные результаты...»[10] В частности, по Львову на 28 сентября 1939 г. было арестовано лишь 124 человека, а по 10 законченным делам расстреляли только двоих.

В другом спецдонесении В. Н. Меркулова и И. А. Серова на имя начальника секретариата НКВД С. С. Мамулова от 3.10.1939 указывалось: «...общее количество арестованных оперативно-чекистскими группами по областям Западной Украины, по данным на 1-е октября включительно, составляет 3914 человек, в том числе бывших жандармов, полицейских, официальных и секретных агентов полиции и разведки — 2539 человек; помещиков, крупной буржуазии, бывших людей — 293 человека; офицеров польской армии и осадников — 381 человек; руководителей контрреволюционных партий УНДО, ОУН и других — 144 человека; петлюровцев, участников бандгруппировок — 74 человека; прочих — 483 человека...».[11]

Таким образом, даже в первые дни в таких условиях органы госбезопасности никаких карательно-репрессивных мер не принимали, а в своей работе руководствовались исключительно распоряжениями, в которых при всем желании сложно увидеть патологическую «жажду крови». Была развернута планомерная работа по очистке новых территорий от нежелательных и социально опасных для новой власти элементов, прежде всего бывших полицейских, агентов, осведомителей, провокаторов и т. д. Причем проводилась она исключительно на основании оперативных и следственных действий. Репрессии же применялись только после расследования и на основании решения судебных органов. В данном случае эти функции, учитывая военное время, выполняли военные трибуналы.

Следует отметить, что сводки о работе оперативно-чекистских групп отправлялись ежедневно, и их работа по архивным документам прослеживается достаточно четко.

Кстати, никаких народных выступлений против «советских оккупантов» по спецдонесениям оперативно-чекистских групп не наблюдается, более того: «...Население выражает удивление технике, которой располагает Красная Армия. Многие говорят: «Нам внушали, что СССР самая бедная страна, ничего не имеющая, мы теперь видим, как нас обманывали...»[12]

Советская техника на улицах Львова

Бойцы РККА осматривают захваченные трофеи на территории Западной Украины

Население Львова приветствует войска РККА

Что касается ОУН и ее предшественницы УВО (Украинской войсковой организации), то они, хотя и упоминались в спецдонесениях НКВД, но в начальный период отдельного отражения в оперативных документах еще не имели. О них говорилось лишь в контексте директивы от 15.09.1939 г., в которой, напомним, акцентировалось внимание на планомерной оперативной работе органов госбезопасности в оуновской среде и арестах ее отдельных руководящих кадров и активистов.

Однако в таком авральном режиме военного времени постоянная работа продолжаться не могла. На территории Западной Украины под руководством оперативно-чекистских групп начинают организовываться органы милиции.[13] Как указывали в спецдонесении В. Н. Меркулов и И. А. Серов от 9.10.1939 г., для этого «...нами вызвано из Управления милиции УССР 255 человек, которых распределили по пунктам: Львов — 80 чел., Луцк — 60 человек, Тернополь — 60 человек, Станиславов — 55 человек...», организуются «дружины рабочей гвардии» и налаживается работа милицейского аппарата — уголовного розыска, паспортных отделов и т. д. Интересно, что в спецдонесениях упоминаются формирования «украинской милиции», подразделения которой организовывались на освобожденных территориях. Характерно, что вначале этот процесс осуществлялся не стихийно, а под руководством функционеров местных националистических партий. Впоследствии оперативно-чекистскими группами эти подразделения были разоружены, однако каких-либо столкновений между ними в документах отмечено не было.

Тем не менее с октября 1939 года в оперативных материалах НКВД начинают появляться данные о попытках подпольных структур ОУН организовать мятежи в отдельных районах вновь присоединенных западных областей Украины. Например, в донесениях **И. А. Серова на имя Л. П. Берии от 13.10. и 14.10.1939 г. сообщалось:** «...в начале сентября с. г. поляки оставили до особого распоряжения на запасных пунктах около ст. Золотиево эшелон с вооружением: пулеметами, винтовками и амуницией. При отходе войск эшелон остался и крестьяне селений Алексини, Шпанов, Золотиев и Городок разграбили этот эшелон и оружие спрятали для сопротивления с Советской властью.

Всей подготовкой восстания руководит ОУН. Эта организация агитировала против Советской власти, муссируя слухи, что 17.X с. г. должны произойти крупные события и будет установлена военная диктатура...»[14; 15]

«...По Луцкой оперативно-чекистской группе члены националистической организации ОУН... проводили беседу по вопросу выборов Народного Собрания и говорили, что «необходимо дать наказ своим представителям, чтобы они на Народном Собрании поставили вопрос об организации «самостійної України»...»

В связи с полученной информацией органы НКВД стали проводить оперативные разработки законспирированной сети ОУН, связанные, прежде всего, с антисоветской агитацией и срывом выборов в Народное собрание в Западной Украине.

В частности, были произведены аресты активных оуновцев по агентурному делу «Блок»[16], получены первые данные об организации военизированных подразделений, складов оружия и обучении боевиков. Все это привело к требованию руководства органов внутренних дел активизировать выявление участников националистических организаций на территории Западной Украины. **Так, в соответствующем приказе № 001353 замнаркома НКВД СССР В. Н. Меркулова от 5.11.1939 г. предписывалось:** *«...Выявить проходящих по действующим и архивным агентурным и следственным материалам участников троцкистских, белоземigrantских, националистических, террористических и других к.-р. организаций, проживающих на территории Западной Украины и Западной Белоруссии...»*[17]

Таким образом, на первом этапе органам госбезопасности удалось обеспечить оперативно-чекистскую работу по наведению порядка на освобождаемых территориях, а также по фильтрации и изъятию нежелательных для советской власти социальных элементов.

Также удалось предотвратить вспышки бандитизма в период боевых действий и по их окончанию, частично наладить агентурно-осведомительную работу и получить первые результаты по агентурной разработке националистического подполья, дезорганизованного на тот момент. При этом в тот период особое внимание ОУН еще не уделялось, а разработка оуновской сети велась в контексте прочих мероприятий по выявлению антисоветских и националистических организаций. Однако это было даже не начало, а только прелюдия к началу долгой и упорной борьбы с националистическим бандитизмом.

Президиум народного собрания Западной Украины

Выступление Н.С. Хрущева с трибуны Народного собрания Западной Украины

22 октября 1939 г. в Западной Украине состоялись выборы депутатов в Народное собрание, которое открылось 26 октября во Львове.

27 октября 1939 г. Народное собрание единогласно утвердило Декларацию о вхождении Западной Украины в состав Украинской ССР.

В ней, в частности, говорилось: *«Украинское Народное Собрание, являясь выразителем непреклонной воли и чаяний народа Западной Украины, постановляет: просить Верховный Совет Союза ССР принять Западную Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики с тем, чтобы воссоединить украинский народ в едином государстве, положить конец вековому разобщению украинского народа».*

Голосование депутатов Народного собрания Западной Украины за воссоединение с УССР

1 ноября 1939 г. высший законодательный орган СССР Верховный Совет принял закон о включении Западной Украины в состав СССР с воссоединением ее с Украинской Советской Социалистической Республикой.

В соответствии с этим законом приказом НКВД № 001359 от 6 ноября 1939 г. были организованы органы НКВД Западной Украины.

1 ноября 1939 г. высший законодательный орган СССР — Верховный Совет принял закон о включении Западной Украины в состав СССР с воссоединением ее с Украинской Советской Социалистической Республикой.

В соответствии с этим законом приказом НКВД № 001359 от 6 ноября 1939 г. были организованы органы НКВД Западной Украины.

В нем указывалось:

«1. Организовать:

а) Управление НКВД по Львовской области, с дислоцированием в г. Львове; подчиненные ему уездные отделы НКВД, перечисленные в объявляемом перечне № 1;

б) Управление НКВД по Луцкой области, с дислоцированием в г. Луцке; подчиненные ему уездные отделы НКВД, перечисленные в объявляемом перечне № 2;

в) Управление НКВД по Станиславской области, с дислоцированием в г. Станиславове; подчиненные ему уездные отделы НКВД, перечисленные в объявляемом перечне № 3;

г) Управление НКВД по Тарнопольской области, с дислоцированием в г. Тарнополе; подчиненные ему уездные отделы НКВД, перечисленные в объявляемом перечне № 4...

4. Укомплектование вновь организуемых органов НКВД произвести за счет 726 человек, ранее посланных в Западную Украину; некомплект остающегося оперативного состава покрыть за счет: действующего кадра сотрудников НКВД республик, УНКВД краев и областей — 100 человек, согласно объявляемой разверстке; особых органов НКВД Киевского военного округа — 250 человек; оперативно-чекистских школ НКВД — 150 человек и пограничных органов НКВД — 100 человек...

6. Всех лиц, ранее направленных для работы в органах НКВД Западной Украины, считать на постоянной работе, в соответствии с чем командировочные вознаграждения этим сотрудникам — отменить...»[18]

Таким образом, работа органов госбезопасности в Западной Украине, равно как и борьба с оуновским подпольем, переходила на качественно новый уровень.

На Западной Украине было создано 4 УНКВД.

По Львовской области было организовано 16 уездных (позднее районных) отделов, Луцкой (с 13.12.1939 г. — Волынской) — 10, Станиславской — 14, Тарнопольской — 16.

9 августа 1940 г. приказом № 00964 было организовано Черновицкое УНКВД с 17 райотделами[19].

Руководили ими:

по Волыни — Р. В. Крутов (бывший замначальника УНКВД Николаевской области) и с 4.12.1939-го по 28.03.1941-го — И. М. Белоцерковский (бывший замначальника УНКВД Винницкой области);

по Станиславщине — С. Р. Савченко (бывший замначальника Погранвойск НКВД УССР) и А. Н. Михайлов (бывший начальник УНКВД Каменец-Подольской области);

по Тарнопольской области — А. А. Вадис (бывший начальник 3 отдела УГБ УНКВД Каменец-Подольской области);

по Львовщине — К. Е. Краснов (бывший начальник 3 отдела УГБ НКВД Ленинградской области) и с 26.02.1940 г. по 26.02.1941 г. — В. Т. Сергиенко (бывший начальник следчасти ГУГБ НКВД СССР), впоследствии В. Т. Сергиенко занимал должность замнаркома НКВД УССР;

по Черновицкой области (7.08.1940 — 28.03.1941) — А. Н. Мартынов (бывший начальник УНКВД Житомирской области).

Таким образом, видно, что первоначально начальственные должности занимали руководители оперативно-чекистских групп, однако их быстро сменили представители исключительно украинских кадров, причем из соседних областей. Никакого «засилья пришлых» в руководстве местных органов госбезопасности не наблюдалось. Все были «свои», прекрасно знавшие специфику работы на данных территориях. Исключение составляет Львовская область — что и понятно — в силу ее стратегического расположения и важности как политического центра Западной Украины. Важность Львовщины показывает также совмещение должности начальника УНКВД и замнаркома республики.

В структуре наркоматов внутренних дел СССР и УССР и создаваемых УНКВД националистическим подпольем занимались, прежде всего, управления государственной безопасности (УГБ). В интересующем нас аппарате УГБ отдельно необходимо рассмотреть работу второго отдела (в УНКВД — отделение) и третьего отдела.

Например, в НКВД УССР второй отдел (секретно-политический) имел следующие отделения:

1-е, занимающееся троцкистами, «правыми», зиновьевцами, бывшими членами компартии и комсомола;

2-е — украинскими антисоветскими политическими партиями и организациями;

3-е — русскими, польскими и другими антисоветскими политическими партиями и организациями, сионистами;

4-е — церковниками и сектантами;

5-е — «бывшими», провокаторами, полицейскими, монархистами, кадетами, «белоказаками»;

6-е — Академией наук, писателями, художниками, артистами, киностудиями, издательствами;

7-е — народным образованием, учебными заведениями, спортивными организациями, молодежными организациями;

8-е — профсоюзами и органами здравоохранения;

9-е — военизированными организациями;

10-е — оперативной техникой и учетом.

Третий отдел (контрразведка): 1 — польское отделение, 2 — немецкое, 3 — румынское, 4 — шпионаж, 5 — украинская и «белая» контрреволюция, группа оперативной техники и учета.

Кроме того, в структуре третьего отдела УНКВД 3-е отделение занималось также борьбой с «политическим бандитизмом». Помимо этого существовали отделы (отделения) уголовного розыска (ОУРЗ) в Управлении рабоче-крестьянской милиции (УРКМ). В этих отделах 1-е отделение также занималось бандитизмом, но не «политическим», а уголовным.

В таком виде органы госбезопасности просуществовали до февраля 1941 г., когда НКВД был разделен на два наркомата — внутренних дел (во главе с Л. П. Берией) и государственной безопасности (во главе с В. Н. Меркуловым). После этого приказом № 00349 от 4.04.1941 г. был организован отдел борьбы с бандитизмом (ОББ) в составе Главного управления милиции НКВД СССР во главе с Ш. О Церетели (бывший начальник 3 спецотдела НКВД СССР). В ОББ Украину, Белоруссию и Молдавию курировало 2-е отделение (по штатам — 10 человек). На местах были созданы два отделения ОББ, из которых первое занималось агентурно-оперативной работой, а второе — следствием. Также «политическим бандитизмом» в структуре НКГБ занималось 2-е управление (контрразведка) и 3-е (секретно-политическое). Возглавляли их соответственно П. В. Федотов и С. Р. Мильштейн (с 1 апреля 1941 г. — Н. Д. Горлинский).

По УССР руководили НКВД и НКГБ соответственно В. Т. Сергиенко и П. Я. Мешик, областные управления возглавляли (УНКВД и УНКГБ соответственно):

по Волыни — А. Ф. Мухин, И. М. Белоцерковский;

по Дрогобычской области — А. Н. Волков, И. И. Зачепа;

по Львовщине — В. Т. Ляшенко, И. М. Ткаченко (он же замнаркома НКГБ УССР);

по Ровенщине — В. Ф. Мاستицкий, Е. Д. Лосев (временно исполняющий обязанности);

по Станиславской области — Я. Н. Синицын, А. Н. Михайлов;

по Тернопольской области — А. А. Чоботов, А. А. Вадис;

по Черновицкой области — П. П. Дмитриев, В. М. Трубников.

Такая организация органов госбезопасности сохранялась до начала Великой Отечественной войны.

Некролог Б. Перацкому и фото его убийцы члена ОУН Г. Мацейко

Отдельно необходимо сделать краткий экскурс в историю создания Организации украинских националистов (ОУН). Она возникла на базе Украинской войсковой организации, возглавляемой бывшим командиром Сечевых Стрельцов армии Украинской Народной Республики Евгеном Коновальцем в 1929 г., а также других националистических организаций — «Украинской националистической молодежи», «Легиона украинских националистов» и «Ассоциации украинской националистической молодежи». ОУН являлась наиболее активной, многочисленной и агрессивной украинской националистической организацией за рубежом, имеющей мощное подполье на территории Западной Украины.

В частности, ОУН организовывала в Галиции и на Волыни акции саботажа и поджоги имений польских землевладельцев, что по сути спровоцировало усиление репрессий со стороны польской администрации и обусловило их крайнюю жестокость (т. н. «пацификация» 1930 г.). Оуновцами организовывались нападения на правительственные учреждения и «экспроприации» с целью получения денег для подпольно-террористической деятельности. Организация также приобрела мировую известность своими громкими террористическими актами, организовав около 60 политических убийств. К примеру, убийство министра внутренних дел Республики Польша Б. Перацкого в 1934 г., участием в организации которого «прославился» будущий лидер ОУН Степан Бандера, секретаря советского консульства А. Майлова, директора Украинской академической гимназии во Львове И. Бабия и др.

Павел Судоплатов

В 1938 г. в одном из кафе города Роттердам сотрудник НКВД СССР Павел Анатольевич Судоплатов вручил руководителю ОУН Е. Коновальцу коробку конфет — «подарок с Украины».

По свидетельству Судоплатова, «полковник любил сладкое».

Евген Коновалец погиб от взрыва специально изготовленного в НКВД устройства, находившегося в коробке с шоколадными конфетами.

После этого события ОУН возглавил сподвижник Коновальца Андрей Мельник, однако единого лидера украинские националисты потеряли навсегда...

После немецкой оккупации Польши из польских тюрем были освобождены многие местные функционеры ОУН, отбывавшие различные сроки заключения как за террористические акты, так и за подпольную работу против III Речи Посполитой. И с этого момента в ОУН начинаются внутренние трения между двумя группами — группой старых функционеров под руководством А. Мельника и группой молодых «краевиков», возглавляемых С. Бандерой.

В общем, анализируя работу подпольной организации любого типа, в частности ОУН, очень интересно прояснить несколько принципиальных моментов — что происходило в организации, с кем сотрудничали, чего добивались и каким образом. Первый момент как раз очень хорошо иллюстрирует раскол ОУН. По большому счету, рассматривая материалы по расколу, постоянно вспоминаешь две известнейшие украинские поговорки: «где два украинца — там три гетмана» и «один украинец — это украинец, два украинца — партизанский отряд, три — партизанский отряд с предателем».

Что же происходило в ОУН в конце

1939-го — начале 1941 г., т. е. в интересующий нас период?

Точка зрения мельниковцев изложена в т. н. «Белой книге ОУН». Согласно выписке из нее[20] после смерти Коновальца встреча между А. Мельником и С. Бандерой, после которой раскол перешел в острую фазу, состоялась 5 апреля 1940 г. Бандера передал Мельнику письма с требованиями от себя и от своего соратника из числа оуновских функционеров на Западной Украине «Карбовича» (Я. Стецько). Первоначально Мельник попытался выяснить полномочия Бандеры и насколько его письма являются официальными.

На месте взрыва. Роттердам. 1938 г.

В переданных же Мельнику письмах содержалось уведомление, что Бандера принимает на себя управление ОУН на основании проведенного Большого собрания ОУН. Это собрание имело место 1 февраля 1940 г. в Кракове, и принимали в нем участие т. н. «молодые» оуновцы из числа друзей и соратников Бандеры по подполью и терактам.

Поняв, что это личная инициатива Бандеры и нескольких его друзей по подполью и студенческим годам, Мельник пришел в ярость, письма принял, но обвинил Бандеру в своеволии, нарушении приказов и инструкций и отсутствии у него полномочий выступать в качестве руководителя ОУН. Разозленный Мельник категорически отверг претензии Бандеры и потребовал от него предстать перед Главным революционным трибуналом ОУН[21].

Следует отметить, что советские органы госбезопасности тут были абсолютно ни при чем. Узнав о расколе из показаний арестованных членов оуновского подполья, например, на одном из допросов 4 сентября 1940 г. арестованный член ОУН говорил: «...В прочтенной мною части данной шифровки Краковский центр нашей организации излагал следующее: «Заграничный центр раскололся. Более реакционная часть оуновских контрреволюционных кадров в августе 1940 года создала повстанческий антисоветский комитет во главе с ними признанным Степаном БАНДЕРОЙ, под кличкой «СИРЫЙ»...», [22] руководство органов госбезопасности принимает решение разобраться в данной ситуации.

Коновалец на смертном одре

Кстати, сообщения зарубежных агентов НКВД касаясь раскола в ОУН представляют собой большой интерес, поскольку являются как бы оценкой со стороны «независимого лица». В частности, в докладной от 3.12.1940 г. на имя секретаря ЦК КП(б)У Н. С. Хрущева нарком внутренних дел И. А. Серов на основании деятельности зарубежного агента «Украинец» и переданных им документов сообщает следующее:

«...Давая характеристику бандеровской линии, мельниковцы пишут:

«Большого шума наделали своей деятельностью, так называемый «революционный провод», ставя голодных на власть мальчишек, которые долгие месяцы провели в мечтании, как бы без работы и усилия, а только ложью и шумом засесть в проводных местах.

Под их нашептыванием молодой и необразованный БАНДЕРА приложил свою руку к преступлению по расколу националистического движения. Бандеровцы постепенно подорвали славу «революционного провода»...»[23]

В докладной отмечается, что выступление Бандеры против «генеральной линии», конкретно, против Коновальца началось еще в 1935 г. При этом бандеровцы попытались склонить на свою сторону одного из руководителей ОУН, приближенных к Коновальцу, Я. Барановского. Тогда это не получилось, а Барановский разоблачил бандеровцев перед руководством. Впоследствии Бандера этого не забыл и отомстил, обвинив Барановского в предательстве, и предоставил фотокопии документов польской контрразведки с показаниями Барановского.

Мельниковцы не остались в долгу и обвинили Я. Горбового, двоюродного брата одного из участников собрания и ближайшего соратника Бандеры Владимира Горбового, в сотрудничестве с НКВД.

Андрей Мельник

Сторону Бандеры принял один из старейших организаторов ОУН Рико-Рихард Яры-Ярый. Судя по всему, Ярый и затеял всю эту интригу с Бандерой: «...Одну из главных ролей играл Рихард ЯРЫЙ, который направлял членов против МЕЛЬНИКА. Таким образом возник акт от 10 февраля 1940 года о передаче руководства ОУН в руки Степана БАНДЕРЫ и «революционного провода»...» [24], однако ситуация просто вышла из-под его контроля.

После взаимных обвинений «...в настоящее время этот раскол дошел до такого состояния, что сотрудничество МЕЛЬНИКА и БАНДЕРЫ исключено...»[25]

Самое интересное в этом деле, что органы НКВД и знать не знали о наличии «собственного агента» Ярослава Горбового. В директиве под грифом «совершенно секретно» начальникам

УНКВД западных областей УССР нарком госбезопасности УССР П. Я. Мешик 31 мая 1941 г. (со времени раскола прошло уже много времени) пишет:

«...Немцами по настоянию мельковцев, был арестован член бандеровского провода, некий ГОРБОВОЙ, который дал показания о том, что он является агентом НКВД. На основании этого МЕЛЬНИК обвинил БАНДЕРУ в том, что он, якобы, действует по заданию советской разведки и его провод создан НКВД...»[26]

Также есть протокол допроса Владимира Горбового польским министерством общественной безопасности от 9.08.1947 г., переданный советским спецслужбам. В нем, в частности, говорилось:

«...В 1940 или в начале 1941 года в Краков возвратился из Советского Союза мой кузен и клиент ГОРБОВОЙ Ярослав, который признался мне, что имеет от имени высших правительственных кругов в Москве миссию установление контакта с БАНДЕРОЙ, но опасается, что за самостоятельную поездку в Москву он будет привлечен к ответственности ОУН.

Степан Бандера

Он просил меня прощупать настроение БАНДЕРЫ по этому вопросу.

Мне с большой трудностью удалось встретиться с БАНДЕРОЙ. Он, выслушав мое сообщение, пожелал, чтобы Ярослав ГОРБОВОЙ лично прибыл к нему.

Передать желание БАНДЕРЫ ГОРБОВОМУ Ярославу мне не удалось, так как в это время ГОРБОВОЙ был, кажется, в Саноке арестован немцами и отправлен в Освенцим, где вскоре умер...»[27]

В документах же, переданных «Украинцем» по делу Барановского, ситуация выглядит еще более красочно. Обвинив Барановского в «измене», бандеровцы в течение 6 месяцев не могли предоставить документы и только 16 августа 1940 г. передали фотокопии документов. Мельник отправил дело в трибунал ОУН, отстранив Барановского от дел и назначив экспертизу. Однако, по словам мельниковцев, назначенные в трибунал представители от бандеровцев всячески саботировали его открытие. В конце концов трибунал состоялся.

Выводы эксперта были весьма интересны:

«...Ознакомившись со всеми фотоснимками, ставлю в известность о следующем:

1. Из одних только фотоснимков, в таком малом размере, в каком мне предъявлено, нельзя вынести никаких окончательных решений. Для этого необходимы и оригиналы грамот, ибо только по этим документам можно прийти к какому-нибудь решению. По представленным фотоснимкам нельзя даже решить, являются ли эти письма оригиналами, или гектографическими снимками, или копиями на кальке.
2. Для вынесения какого-нибудь решения необходимо было бы иметь другие оригиналы писем того же самого учреждения, для сравнения их и возможности прийти к какому-нибудь выводу.
3. Кроме оригиналов писем, указанных в пунктах 1 и 2, следовало было бы иметь снимки в сильно увеличенном виде (в пять-десять раз), чтобы из них можно было бы выяснить, отпечатаны ли одной и той же машинкой отдельные черточки на всех письмах.

Из-за отсутствия всего этого нельзя вывести ни положительного ни отрицательного решения.

Ярослав Горбовой

По предложенным фотоснимкам можно только подтвердить, что:

1. Шрифт машинки на документе от 4 января 1933 г. является иным, чем в письмах от 14 апреля 1938 года и 1 мая 1939 года.
2. Печать уездного старосты в Самборе на документе от 4 января 1939 г. является совсем иной, чем в обоих других документах, указывают об этом вид печати, их размеры и содержание.
3. На документе от 4 января 1939 года по левой стороне имеется надпись, написанная с правой стороны к левой вместе с печатью какого-то другого учреждения.

По фотоснимку нельзя установить, произведена ли эта надпись на обратной стороне документа, или она является только обыкновенной отпечаткой письма, которое не совсем высохло, или вообще влажное было поставлено на документе. Это было бы чрезвычайно важным для установления подлинности документа, но из-за отсутствия оригинала нельзя прийти к определенному выводу...

...Таким образом люди, которые пустили в обращение фотоснимки, на захотели дать оригиналов. Это потому, что они хотели посеять недоверие между членами и использовать это в качестве оружия для борьбы против полковника МЕЛЬНИКА.

Ярослав Барановский

Даже если бы допустить, что подлинные документы имеются и что они правдивы, содержание их относится к ЯРОСЛАВУ БАРАНОВСКОМУ:

1. Никакая полиция не употребляет в переписке действительных фамилий своих конфиденентов — всегда заменяет их псевдонимами, в частности, делала так польская полиция даже если речь шла о мелких конфидентах, доносы которых имели ограниченное значение. Абсолютно невозможно, чтобы, имея конфиденца на высоком посту секретаря ОУН, польская полиция легкодушно выявила его фамилию в переписке, переходившей через сотни рук, которая была разослана во все уездные староства, где на низших должностях работали также украинцы, и поэтому возникала опасность расконспирации конфиденца. Безусловно, что полиция могла бы приложить все усилия к тому, чтобы фамилию такого конфиденца сохранить в тайне и как можно более продолжительно пользоваться его информацией.
2. Из содержания копий документов ясно видно, что информатор, представлен ими под фамилией ЯРОСЛАВА БАРАНОВСКОГО, давал неверную информацию, противоречащую сведениям другого Львовского конфиденца, причем, поясняется это тем, что должно быть в 1937 году ЯРОСЛАВ БАРАНОВСКИЙ не играл большой роли в организации, а поэтому его информация была не полной. Поэтому очевидно это относится к другому лицу, а не к ЯРОСЛАВУ БАРАНОВСКОМУ, который именно в это время, около 1937 года, начал повышаться в организационной иерархии, пока в конце не стал секретарем ОУН.
3. Даже если б принять, что автор документа имел в виду никого другого, а только ЯРОСЛАВА БАРАНОВСКОГО, еще не доказано, что ЯРОСЛАВ БАРАНОВСКИЙ давал информацию польским чиновникам, в частности польской полиции. Документ свидетельствует, что

информация, исходящая от ЯРОСЛАВА БАРАНОВСКОГО, не отвечает действительности. Таким образом, здесь только утверждается источник, от которого исходит информация и что им должен быть ЯРОСЛАВ БАРАНОВСКИЙ...»

Понятное дело, что «...Главный Революционный Трибунал на основе представленных ему снимков, в связи с экспертизой специалиста и заявлением прокурора, что на основании одних опытов нельзя поддерживать обвинительный акт, — не находит оснований для дальнейшего рассмотрения дела в части обвинения ЯРОСЛАВА БАРАНОВСКОГО — МАКАРА в преступлении — измене родине и ОУН...»[28]

Также обвиняли Барановского в недоставке оружия в Закарпатье и Западную Украину во время боев с чехословацкой армией: «...оправдывается БАРАНОВСКИЙ по делу недоставки оружия в Закарпатскую Украину и в 1939 году в Западную Украину, мотивируя это тем, что это дело должен был проводить ЯРЫЙ—КАРПАТ как референт военных дел, а не БАРАНОВСКИЙ...»[29]

К чему так подробно разбираются эти взаимные дрызги и фальсифицированные обвинения? К тому, чтобы на конкретных примерах показать, какими методами действовали обе стороны в своей борьбе за власть. При этом не возникает никакого сомнения, что «дело Барановского» построено на явных фальсификациях, к тому же грубо и топорно сфабрикованных. Следует отметить, что подобного рода фальсификации уж очень активно используются современными апологетами бандеровщины. Изучая дело Барановского, становится понятным, откуда они черпают вдохновение для своих «документальных» упражнений.

Бандера же продолжал свою линию, создав в противовес Проводу Украинских Националистов (ПУН) во главе с Мельником Революционный Провод Украинских Националистов (РПУН) во главе с самим собой и своими друзьями по годам обучения во Львове, подпольно-террористической работе на территории Западной Украины и тюремным заключениям.

Еще более красочная характеристика раскола дается в другом документе зарубежного агента НКВД:

«...Чтобы понять сущность конфликта между проводом ОУН мельниковцев и революционным проводом ОУН бандеровцев, необходимо знать, что конфликт в ОУН начался не с 1940 года, а с самого начала его существования.

Конфликты в ОУН с самого же начала существования имеются не только в главном проводе, но и во всех отраслях и степенях. Конфликты имеются равно как в краевом проводе ОУН, так же и в маленьком селе, где есть одно звено ОУН. Конфликты имеются в боевке, в активе, в юнацтве и у симпатиков.

...В главном проводе ОУН конфликт начался еще задолго до 1940 года, только «ПУН», будучи чрезвычайно сильным, не допускал ревизии.

В 1938—39 гг. краевой провод ОУН достаточно хорошо противопоставлял себя «ПУН». Не хватало только некоторых энергичных людей возглавить это движение. И случилось, польское государство пало, из тюрьмы вышли матерые оуновцы, которые в прошлом являлись

проводниками, они не могли забыть главному проводу то, что они сидели в тюрьме, а члены главного провода гуляли себе безопасно в других государствах, где им абсолютно ничего не грозило.

В дополнении всего, СЕНИК отдал в руки польской разведки оуновский архив, таким образом, посадил в тюрьму многих краевых руководителей ОУН.

Не забыл БАНДЕРА Степан и то, что член «ПУН» ЧЕМЕРИНСКАЯ дала ему пощечину за нечестное поведение...

Когда Степан БАНДЕРА вышел из тюрьмы, его пригласил полковник МЕЛЬНИК участвовать в «ПУН», чтобы он работал с ним по своим способностям. Однако уже было поздно. Дело уже было обсуждено...»[30]

Кстати, насчет пощечины. Один из бывших соратников, Мирон Матвиейко, дал весьма красноречивую характеристику Бандере в связи с его поведением в семье и по отношению к женщинам — как он избивал собственную жену и сожительствовал с женами своих подчиненных.[31] Поэтому реакция женщины более чем понятная. Бандера такого не простил и стал мстить: «...Анну ЧЕМЕРИНСКУЮ обвиняют в сотрудничестве с БАРАНОВСКИМ, в предательстве членов и дела ОУН...»[32]

Кроме того, бандеровцы утверждали, что «...личность полк. МЕЛЬНИКА была малоизвестна, не внушала политического доверия по причине многолетней непричастности к деятельности подполья и тесного сотрудничества с католическими кругами...», «...напряжение еще более обострилось в связи с созывом в 1939 году 2-го, т. н. Римского конгресса. Причиной явилось то, что на конгрессе Край представляли всего только два делегата, в то время как абсолютное большинство участников конгресса представляли ОУН эмиграции. Последние зачастую в отрыве от жизни в Крае подходили к решению конкретных программных или других вопросов...», «...крайнее напряжение наступило только после начала войны, когда выяснилось, что в Проводе нет ясного представления, какую же политику должна проводить организация в Крае, к чему ей необходимо готовиться, что существует только лишь неясная надежда на положительное отношение к украинскому делу со стороны Германии. Это привело к тому, что фактически организация в Западной Украине оказалась неподготовленной к приходу большевиков и окончательно дезорганизованной...»[33]

Также весьма показательными являлись действия бандеровцев по установлению своей власти:

«...В субботу 26 октября вечером «боевка», составленная из так называемых бандеровцев, т. е. сторонников диверсий, затеянных Бандерой, напала в Холме на одного из активнейших молодых деятелей Холмщины националиста КОНИКА. Побитого и окровавленного нападавшие оставили и убежали...»

«...Дня 28 октября так называемые бандеровцы напали на лагерь беженцев в Кракове. Охрана лагеря, желая прекратить своеволие и беспорядки, которые внедрили члены «боевки» в лагере (распространились здесь кражи, авантюры, драки, которые, как правило, кончались кровопролитием), приступила к энергичным действиям. Это не понравилось бандеровским

хулиганам, которые начали провоцировать конфликты. Когда же это им не удалось, напали на охрану, стоявшую у ворот лагеря. Караульных избили железными предметами... Член «боевки» Б., напал на инженера Федора ЯЦУРУ, который был одним из инициаторов наведения порядка в лагере. Последствия нападения ужасные: нападающий проколол ЯЦУРЕ глаз так, что согласно заключению врачей, которые немедленно занялись пострадавшим, он совершенно потерял зрение на всю жизнь. Надежд на спасение хотя бы одного глаза почти нет...»[34]

Еще более показательны следующие свидетельства разборок — это к вопросу о том, что творилось на местах:

«...Происходят они обычно между отдельными членами ОУН то ли в проводе, в крае, в повите, в районе и на селе, не на жизнь, а на смерть. Употребляют против себя револьверы, винтовки, ножи и палки. Обвиняют один другого во всякой нечисти, воровстве денег организации, или что, якобы, состоял конфиденнтом...

В 1936 году, вследствие такого конфликта, на территории Бережанского повита районный 5-го района КОДАЙСКИЙ из села Геновочи убил районного «СЫЧ», выследив его в лесу, а слух был распушен оуновцами, что якобы его убила польская боевка. На этом не окончилось. ГАЛУШКА Петро из Бышек — повитовый боевки ОУН, в конфликте с КОДАЙСКИМ убил последнего и его жену, и какая же причина конфликта? — незначительная, с одной стороны жадность славы быть проводником, а с другой — ревность за девушку.

Причиной конфликта, где было три жертвы, была Катерина — нынешняя жена ГАЛУШКИ, который в конце концов вышел победителем, потому, что он самый старший повитовый боевки.

Второй пример, когда районный районной боевки 2-го района «ЯРОШЕНКО» — БАБИЙ Кирилл из села Комаривцы, Бережанского района убил СТЕФАНИВА Ивана из села Барановки за то, что он женился на его девушке.

Убийство же это БАБИЙ прикрыл тем, что, якобы, СТЕФАНИВ является польским конфидентом.

Об этом можно написать целые тома, так как все время были конфликты в ОУН, погибало много невинных людей...»

«...Когда кого-либо из ОУН арестовывают и они начинают признаваться о себе, то обычно о других начинают с тех, с которыми бывали конфликты и на них сваливают всю вину, будто бы они его на это дело подстрекали. Если арестовать тех и других, то другие оговорят первых. Это обстоятельство между прочим можно проследить по показаниям оуновцев...»[35]

Еще несколько весьма красноречивых свидетельств о разборках внутри ОУН:

«...Методы борьбы между мельниковцами и бандеровцами разные, но все они стремятся к тому, чтобы как можно быстрее уничтожить друг друга, для чего не брезгают никакими подлостями по отношению друг друга...

...когда ЛЕБЕДЮ Николаю, члену революционного провода, говорят про деньги, то он выворачивает свои карманы и поет — «віють вітри, віють буйні».

Мельниковцы, заняв все культурные, просветительные и кооперативные товарищества, не допускают бандеровцев на какие-либо посты.

Также в сношении с немецкими властями, мельниковцы стараются принудительно посылать бандеровцев на какие-либо посты.

Мельниковцы дошли до того, что Роман БИДА, псевдоним «ГОРДОН», работая в гестапо, доносил на бандеровцев, переходивших неоднократно советско-германскую границу, что они, якобы, являются агентами НКВД, и гестапо их арестовывало.

Также как средством борьбы с бандеровцами является выпускаемое мельниковцами периодическое издание под названием «АБВ», выходящее в 10 дней один раз, в котором мельниковцы всяческими способами клеветают на бандеровцев.

...Некоторое отличие имеет борьба бандеровцев. Там на первый план борьбы с мельниковцами впрягли свою разведку. Бандеровцы бросили в ряды мельниковцев большое количество своих разведчиков, таким образом, бандеровцы в курсе почти всей деятельности мельниковцев, и если только последние задумают что-либо сделать, то бандеровцы их опережают.

Лучшим примером этого может служить посылка в СССР 2 апреля 1941 года специального курьера, который, будучи бандеровцем, спровоцировал мельниковцев и забрал их последние связи в крае.

Таким образом бандеровцы хотят разложить мельниковцев внутри. Не брезгают бандеровцы в борьбе с мельниковцами применять ножи и бамбуковые палки.

...Бандеровцы развернули большую пропаганду на мельниковцев через печать, в которой активную роль играл Ярослав СТЕЦЬКО, выступающий под псевдонимом «КарбовиЧ»...»[36]

Все это давало основание органам госбезопасности для следующих выводов:

«...БАНДЕРА И ТЫМЧИЙ все время добивались от МЕЛЬНИКА устранения БАРАНОВСКОГО от руководства ОУН, одновременно став в оппозицию к директивам МЕЛЬНИКА...

...БАНДЕРА И ТЫМЧИЙ в феврале месяце выехали в Рим к МЕЛЬНИКУ с требованиями развернуть активную работу в западных областях Украины, стать на путь подготовки вооруженных выступлений украинского населения.

Не получив на это согласия МЕЛЬНИКА, БАНДЕРА и ТЫМЧИЙ, возвратясь в Краков и на заседании экзекутивы в феврале месяце создали свой центр, который возглавил БАНДЕРА.

На этом же заседании был избран штаб руководства и принято решение уведомить о случившемся МЕЛЬНИКА.

Таким образом, в результате имевших место разногласий, влияние Провода, осуществляемое помимо БАРАНОВСКОГО и через СУШКО, находящегося в Кракове, значительно упало...»[37]

Фактически, молодые террористы, вышедшие из польских тюрем оттерли «старое» поколение из мельниковцев от серьезного влияния на оуновские структуры на Украине и стали перехватывать все нити управления организацией.

А сведений поступало все больше и больше, в том числе и от пойманных оуновцев. Так, арестованный член Львовского краевого провода ОУН И. Максимов показывал:

«...Краковский центр, Краевая экзекутива подчинялась Бандере Степану — «Серый». Между ним и Мельником дошло до разрыва. Бандера потребовал устранения Барановского Семка из ОУН, а Мельник этому воспротивился, поэтому в августе 1940 г. дошло до раскола. Бандера создал Революционный комитет, во главе которого он стал проводником...»[38]

Интересно, что бандеровское руководство активно занималось PR-кампанией как себя лично, так и собственной правоты среди членов оуновского подполья на территории Западной Украины. Так, при разработке агентурно-следственного дела «Мечтатели» (Тернопольская обл.) выяснилось, что Краковский центр информировал тернопольское подполье о расколе в организации с обвинениями в сотрудничестве с польской полицией и подделке «завещания Коновальца» все тех же Я. Барановского и Е. Сенник-Грибовского и обвинениями Мельника в узурпации власти.[39] При этом специально для этого направляли курьеров. Более того, обвиняли в расколе «агентов НКВД»:

«...Закисточник «МУДРЫЙ» сообщил подробности раскола, а также мнение отдельных работников гестапо. В частности «МУДРЫЙ» сообщает: «Начальник гестапо в Санокке заявил ему, что раскол среди оуновцев на мельниковцев и бандеровцев произошел в результате деятельности агентов НКВД». По его заключению 40% оуновцев являются агентами НКВД...»[40]

Кстати, о том, что ему дали два отдельных задания бандеровцы и мельниковцы, также сообщает и агент «Украинец».[41]

Можно, конечно, утверждать, что весь приведенный материал не более, чем «советская пропаганда». Но вот показания одного из соратников Бандеры Александра Луцкого:

«...ВОПРОС: В связи с чем БАНДЕРА созвал в феврале 1940 г. конференцию ОУН?

ОТВЕТ: Созыву этой конференции предшествовали следующие обстоятельства:

После того, когда БАНДЕРА был освобожден из тюрьмы, он и руководитель Краевого «Провода» ОУН на территории Западной Украины «ЛОПАТИНСКИЙ», в начале 1940 года поехали в Рим к Мельнику и во время встречи с ним добивались обновления Центрального «Провода» ОУН и вывода из «Провода» ряда лиц, которых БАНДЕРА подозревал в принадлежности к польской агентуре и как провокаторов.

В частности, БАНДЕРА представил МЕЛЬНИКУ ряд материалов, изобличающих члена Центрального «Провода» ОУН БАРАНОВСКОГО как агента польской полиции, однако МЕЛЬНИК не согласился с требованиями БАНДЕРЫ и «ЛОПАТИНСКОГО» об обновлении Центрального «Провода» ОУН и вывода из «Провода» БАРАНОВСКОГО.

Возвратившись из поездки, БАНДЕРА 10 февраля 1940 года созвал в г. Кракове совещание актива ОУН, на котором присутствовало около 40 человек. Это совещание актива впоследствии было переименовано в конференцию ОУН.

БАНДЕРА доложил конференции о переговорах, которые он вел с МЕЛЬНИКОМ, при этом сообщил участникам конференции, что МЕЛЬНИК не принял его предложения об обновлении «Провода» и исключения из «Провода» БАРАНОВСКОГО. Для того чтобы соответственно подействовать на МЕЛЬНИКА, БАНДЕРА предложил конференции принять постановление с требованием вывести из «Провода» всех подозрительных лиц и обновить его преданными ОУН людьми, что только этим путем можно будет активизировать работу ОУН. Участники конференции согласились с предложением БАНДЕРЫ и была принята соответствующая резолюция, требующая обновления «Провода» и исключения из «Провода» БАРАНОВСКОГО.

Этой же резолюцией БАНДЕРА уполномочивался на ведение переговоров с МЕЛЬНИКОМ по этим вопросам.

Как известно, переговоры между МЕЛЬНИКОМ и БАНДЕРОЙ ни к чему не привели, и в начале 1941 года в ОУН произошел окончательный раскол...»[42]

Член Провода Бандеры А. Луцкий

Позднее на других допросах Луцкий показал следующее:

«...В целях активизации работы ОУН и окончательного разрыва с МЕЛЬНИКОМ, БАНДЕРА начал подготовку по созыву 2-го конгресса ОУН, который затем состоялся в марте 1941 года в г. Кракове. Я являлся делегатом этого конгресса...»

«...ВОПРОС: Когда был сформирован бандеровский «Провод» ОУН?

ОТВЕТ: Раскол в Центральном «Проводе» произошел в первой половине 1940 года. Поскольку БАНДЕРА на состоявшейся в феврале 1940 года конференции ОУН был только уполномочен руководить Центральным «проводом», он не смог создать нового Центрального «Провода» и до созыва 2-го конгресса лишь подобрал своих сторонников, которые ему помогли в работе.

Уже после 2-го конгресса, когда Степан БАНДЕРА был избран руководителем ОУН, на основании полномочий конгресса, он сформировал не Центральный, а Главный «Провод» ОУН.

Кто входил в состав Главного «Провода» ОУН, созданного Степаном БАНДЕРОЙ, я сказать не могу, так как не знаю.

Рико Ярый

Могу только предполагать, что, помимо БАНДЕРЫ, в Главный «Провод» ОУН входили его ближайшие соучастники СТЕЦЬКО Ярослав, ЛЕБЕДЬ Николай, МИРОН и полковник ЯРЫЙ — руководитель военной референтуры...»

«...Я не хотел раскола, так как считал, что это приведет только к ослаблению организации.

Я неоднократно разговаривал с БАНДЕРОЙ, СТЕЦЬКО и др., стараясь убедить их в необходимости объединения с мельниковцами, а когда это не помогло, высказал свои намерения о том, чтобы самому выехать к МЕЛЬНИКУ и договориться с последним об устранении раскола...»

«...Узнав о моих попытках связаться с МЕЛЬНИКОМ, СТЕЦЬКО, КЛЫМИШИН и БАНДЕРА приложили все усилия, чтобы доказать бесполезность моей поездки. Они представили мне стенограммы переговоров с МЕЛЬНИКОМ и др. документы, изучив которые я убедился в том, что моя миссия вряд ли принесет что-либо полезное, так как еще до меня принимались меры к устранению раскола, однако МЕЛЬНИК ни на какие уступки не шел.

Кроме того, я начал убеждаться в том, что МЕЛЬНИК для руководства организацией и как вождь ее не годится.

Анализируя причины раскола, я усматривал, что основным в расколе организации была борьба за власть между мельниковцами и бандеровцами и приходил к выводу, что если бы МЕЛЬНИК и БАНДЕРА отошли от руководства ОУН и на их место избрали нового человека, раскол был бы ликвидирован...»[43]

В общем, картина ясная — вождизм (решения принимают в узком кругу «свои») и абсолютное нежелание выслушивать ни своих оппонентов, ни любые предложения по нормализации ситуации. В данном случае советским органам госбезопасности ничего не нужно было делать по углублению раскола — противники сами не желали примирения.

Также имеются показания и немецких свидетелей, причем офицеров спецслужб, которые говорят практически то же самое. Например, полковник немецкой военной разведки «Абвер» Эрвин Штольце показывал:

«...по указанию КАНАРИСА мною лично в 1940 году принимались меры к примирению МЕЛЬНИКА с БАНДЕРОЙ с целью сколачивания всех украинских националистов для борьбы с Советской властью.

Летом 1940 года мною был принят БАНДЕРА, который в разговоре со мной обвинял МЕЛЬНИКА в пассивности, доказывал, что он — БАНДЕРА является избранным вождем националистов, однако, для пользы дела, он примет все меры, чтобы примириться с МЕЛЬНИКОМ.

Руководитель абвера адмирал Вильгельм Канарис

Через несколько дней мною также был принят МЕЛЬНИК, с которым проводился аналогичный разговор. МЕЛЬНИК обвинял БАНДЕРУ в карьеризме, что он своими необдуманными действиями погубит подполье, созданное на территории Советской Украины, особенно в западных областях.

МЕЛЬНИК доказывал, что он по наследству получил от КОНОВАЛЬЦА руководство националистическим движением и просил оказать ему помощь остаться в этом руководстве для единства организации. Здесь МЕЛЬНИК обещал принять все меры к примирению с БАНДЕРОЙ.

Несмотря на то, что во время моей встречи с МЕЛЬНИКОМ и БАНДЕРОЙ оба они обещали принять все меры к примирению, я лично пришел к выводу, что это примирение не состоится...»[44]

И дал замечательную характеристику обоим (выделено нами. — **Авт.**):

«...БАНДЕРА по характеру энергичный, карьерист, фанатик и бандит. МЕЛЬНИК — спокойный, интеллигентный, чиновник...»

Интересно, что очень похожая характеристика дана наркомом госбезопасности УССР П. Я. Мешиком:

«...Будучи большим карьеристом, БАНДЕРА пожелал возглавить «провод» указанной организации лично...»[45]

В этой связи отдельно нужно остановиться на таком вопросе: почему сотрудник немецкой военной разведки вызывает к себе на прием руководителей украинской националистической организации, чтобы их примирить? И как в этом ракурсе понимать слова Эрвина Штольца: *«...с целью сколачивания всех украинских националистов для борьбы с Советской властью...»?*

Выходит, так и понимать — с самого начала своего существования ОУН находилась не только под постоянным контролем немецких спецслужб, но и, получается, непосредственно руководилась и направлялась ими. Хотя само руководство ОУН старалось это не афишировать, особенно среди рядового состава. Постараемся этот вопрос осветить подробнее.

Но перед этим целесообразно хотя бы кратко остановиться на программных документах самой ОУН, особенно сторонников Бандеры, на предмет сотрудничества с иностранными государствами.

В апреле 1941 года в Кракове бандеровцами был проведен «Второй великий сбор ОУН». В постановлении сбора указывалось, что революционную борьбу за освобождение всех украинских земель и за объединение их в одно соборное и независимое государство ОУН ведет, опираясь на собственные силы украинского народа и отбросив в принципе ориентацию на чужие силы, в частности, на исторических врагов Украины.[46] При этом уточнение о текущей ситуации — ведет ли борьбу в данный момент, опираясь исключительно на собственных сторонников, и что же это за исторические враги, было «тактично» опущено.

С врагами становится яснее после прочтения седьмого пункта программных постановлений — это «коммунистическое мировоззрение», «интернационализм» и «капитализм», а также «все взгляды и течения, которые несут ослабление живых сил народа».[47] Тем не менее вновь непонятно, что же это за течения и что за «живые силы»?

Однако в следующем абзаце противник обрисован уже более чем конкретно — это «московская тюрьма народов» и «коммунистическая система», с которым решено бороться т. н. «революционным путем». После этого сразу же возникает вопрос, каким образом этот программный пункт должны были расценивать советские органы госбезопасности? Проникнуться искренней любовью к бандеровцам? Вопрос, в общем, риторический.

Вот еще показательный момент:

«...Жида в СССР есть наипреданнейшая опора господствующего большевистского режима и авангард московского империализма в Украине. Противожидовские настроения украинских масс использует московско-большевистское правительство, чтобы отвлечь их внимание от настоящей причины беды и чтобы во время взрыва (имеется в виду восстание. — Авт.) направить их на погромы жидов. Организация украинских националистов борется с жидами

как опорой московско-большевистского режима, осведомляя одновременно народные массы, что Москва — это главный враг...»[48]

Эта фраза — вообще уникальный набор противоречий. Сначала констатируется, что евреи — преданная опора советского правительства, а затем следует неожиданный пассаж, что советское правительство подогревает антиеврейские настроения украинцев (т. е. выступает против своей преданной опоры) с тем, чтобы национальную революцию превратить в еврейские погромы. При этом декларировалось, что оуновцы сами борются с евреями. Это не только каша в голове, но и попытка оправдать собственный антисемитизм и свалить ответственность на своих политических противников.

Далее в политических указаниях относительно борьбы и деятельности ОУН на период войны от мая 1941 года однозначно говорилось, что для борьбы за суверенное украинское государство ОУН будет использована война.[49]

Обратим внимание на время разработки указаний — именно на май 1941 г. первоначально планировалось нападение Германии на СССР. При этом советское правительство получало эти данные от собственных разведорганов, к которым бандеровцы и близко не имели доступа. Интересная осведомленность у Бандеры, не правда ли? И как вовремя эти указания были разработаны.

В инструкциях однозначно указывалось — выжидать и не начинать выступления даже в первые дни войны, а вести исключительно саботаж, подрывную работу в хозяйствах, инспирировать мятежи, разложение и хаос.[50]

По сути эти действия иначе, чем диверсионной деятельностью в пользу иностранного государства-оккупанта, квалифицировать нельзя.

И, наконец, еще одно четкое указание:

«...Дальнейшая борьба украинской армии против Москвы будет соучастием Украины в противомосковской войне союзных государств...», и затем констатация, что оккупация Украины чужими войсками-победителями неминуема.[51]

Отсюда следовал вывод: *«...Получить себе роль первичного компонента (в оригинале — «подлежащего») и партнера участника войны и сотворца нового порядка на руинах московской империи... Государства, которые ведут борьбу с Москвой и не относятся враждебно к Украине, мы трактуем как естественных союзников (выделено в документе)... Платформой длительных союзнических взаимоотношений может быть совместная борьба против большевистской Москвы...»[52]*

В инструкции бандеровского провода ОУН для организационного актива на Украине в период войны, разработанного также в мае 1941 г., был и раздел «Отношение к немецкой армии».

В нем указывалось, что немецкие войска должны восприниматься как войска союзников, но желательно взять власть перед их приходом и заявить немцам, что украинская власть уже создана и готова войти в приязненные взаимоотношения с союзниками для сотрудничества и

совместной борьбы с «Москвой».[53] Также говорилось, что необходимо часть актива присоединить к немецким войскам для работы в Центральной и Восточной Украине. При неприятии немцами украинской власти и применении силы уступить, но в юридическом плане власть не передавать — т. е. фактически «зацепиться» за нее. При невозможности создания регулярной армии и дальнейших совместных действий с немцами — стараться реорганизоваться в городскую милицию.[54]

Примерно в это же время был разработан единый генеральный план повстанческого штаба ОУН, четко ориентированный на вооруженное восстание в связи с началом войны против СССР.[55]

Все эти документы датируются маем 1941 г. Напомним, именно 15 мая 1941 г. была одной из первых намеченных дат нападения Германии на СССР, а в немецкой военной разведке (абвере) была создана группа «А», которая отвечала за подготовку диверсионных актов и работу по разложению в советском тылу. Руководил этой группой уже упомянутый нами полковник Эрвин Штольце, показания которого мы и цитировали выше.[56]

Надеялось ли руководство ОУН на определенные преференции со стороны немцев?

На допросе арестованный отец С. Бандеры священник Андрей Бандера показал, что в беседе с ним зарубежный эмиссар от сына А. Турчманович (встреча состоялась в августе 1940 г.) заявил:

«...Ждать помощи от немцев или итальянцев достаточно рискованно, ибо и те, и другие заботятся только о своей выгоде, а не о дальнейшей судьбе украинских националистов...»[57]

Возникает закономерный вопрос: на что они надеялись? Вернее, почему не отказались от сотрудничества?

Данные о работе оуновских функционеров на нацистские спецслужбы стали появляться у советских органов госбезопасности еще с весны 1940 г.

Именно в этот период один из агентов госбезопасности сообщал о группе, прибывшей из Германии с целью осуществления подрывной работы на территории Станиславской области.[58] В сообщении указывалось, что агенты забрасываются как для работы в националистическом подполье, так и для выполнения «шпионско-разведывательной работы в пользу Германии» и перечислялись восемь активных участников Организации украинских националистов, окончивших разведшколу Кригера в г. Криница. В списке — Мартынец, служивший в шуцполиции, а с 1943 г. работавший референтом по мобилизации украинцев в дивизию СС «Галичина», Ясинский, в 1942—1943 гг. служивший в гестапо, а с 1943 г. — в дивизии СС «Галичина», Василь Бандера — **родной брат Степана Бандеры** и уже упомянутый Александр Луцкий — один из близких соратников Бандеры.

25 апреля 1940 г. в докладной записке УНКВД по Волынской области в связи с работой присланной на Волынь оперативно-чекистской группы указывается, что один из допрошенных — Гайдюк — признался, что он является одним из руководителей организации Волынской ОУН

и 20 марта 1940 г. был переброшен руководством ОУН при участии гестапо в СССР с целью проведения повстанческой и шпионской деятельности.[59]

В ориентировке УГБ НКВД СССР от 17 мая 1940 г. о современном положении в ОУН сообщалось:

...«ОУН» при полной поддержке германских правительственных кругов, в контакте с разведывательными органами ведет усиленную работу по подготовке отторжения Украины от Советского Союза и установления буржуазного государства с фашистским управлением. Вооруженное выступление против Советского Союза намечалось на весну 1940 года...

...Деятельность всех закордонных ОУНовских организаций направляет Краковская «краевая экзекутива ОУН» (провод «ОУН») во главе с полковником СУШКО, ДОНЦОВЫМ и СТЕФАНОВИЧЕМ, которая непосредственно связана с германскими правительственными кругами и разведывательными органами (Гестапо)...

...ОУНовскими организациями совместно с немецким командованием формируются специальные воинские части, отряды из украинского населения, организуются так наз. «таборы». Молодежь вербуются в специальные школы — дружины, где под руководством немецких офицеров проводится усиленная военная подготовка...

...Значительное количество активных ОУНовцев официально состоит на службе в немецких разведывательных органах. «Гестапо» ведет вербовки ОУНовцев для шпионско-диверсионной и террористической деятельности, которые в большом количестве выбрасываются на советскую территорию...

...За последнее время «ОУН» по заданию немецких и румынских разведывательных органов свою деятельность контактирует с другими контрреволюционными украинскими националистическими организациями... ..договаривается с немцами о создании «самостийной Украины» под протекторатом Германии...»[60]

В директиве об активизации оперативной работы по выявлению и ликвидации агентов немецкой разведки от 2 июня 1940 г. нарком внутренних дел УССР И. А. Серов констатировал, что немцы *«...продолжают вербовать агентуру из украинских националистов...»*[61]

К директиве прилагалась ориентировка № 1776/сн о работе немецких разведорганов, в которой сообщалось, что немецкая военная разведка интересуется дислокацией армейских частей, их численностью, наименованием, вооружением, сведениями о начсоставе РККА, укрепрайонах, оборонных сооружениях. Указывалось, что гестапо использует для внедрения своей агентуры националистические объединения, при этом широко используются комиссии по связям с немцами-колонистами:

«...Установлено, что вербовка агентуры членами этих комиссий проводится не только среди немцев, но и среди местных украинских националистов — членов ОУН и друг[их]...»

Также в ориентировке указывалось, что участились случаи переброски агентуры под видом лиц, возвращающихся к родственникам и якобы бегущих от немецкого преследования. Среди таких лиц имеются члены ОУН.[62]

В сводке командования погранвойск НКВД Западного округа об обстановке на границе за период 20 — 31 июля 1940 г. указывалось, что обстановка характеризуется «...активизацией деятельности в сопредельной погранполосе контрреволюционных националистических организаций ОУН, в контакте с гестапо, подготавливающих диверсионные группы для переброски на территорию СССР...»[63]

В спецсообщении наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии о ходе следствия по делу курьера Краковского провода ОУН Глущишина от 6 августа 1940 г. нарком внутренних дел СССР И. А. Серов указывал, что содержание таких курьеров субсидируется немецкими властями через германский банк, а оплата их услуг производится в зависимости от важности выполненного поручения.[64]

Позднее в своем докладе на имя Л. П. Берии И. А. Серов писал:

«...Руководство ОУН на протяжении многих лет считало, считает и в настоящее время, что создание «Соборной Украины» осуществится только при помощи Германии и сейчас не исключают возможности вооруженного столкновения последней с СССР.

Готовясь к этому, руководство ОУН, с согласия разведорганов Германии, активизировало свою деятельность в направлении:

а) Создания «Украинских армий» из эмигрантов и пр. враждебных к СССР элементов на территории протектората;

б) Сколачивания солидного разведывательного аппарата, а также переброски эмиссаров в СССР для организации шпионско-террористической и диверсионно-повстанческой деятельности...

...Установлено, что Краковская «Краевая экзекутива» непосредственно связана с правительственными кругами и разведорганами Германии...

...Размах и методы работы ОУН в настоящее время определяются политикой разведывательных органов Германии, направленной, прежде всего, на создание в лице ОУН необходимой опоры в оккупированных областях быв. Польши, на подготовку из его среды кадров на случай военного столкновения с СССР и разведывательных кадров для организации и ведения шпионско-террористической и диверсионно-повстанческой работы против СССР...

...ОУН... при помощи правительственных кругов, в тесном контакте с разведывательными органами Германии проводит активную работу по подготовке отторжения УССР от Советского Союза и создания украинского буржуазного государства фашистского типа.

ОУН, будучи создано немцами, пользуясь их широкой поддержкой и рассчитывая на их помощь в будущем, превратилась в послушное орудие немецкого фашизма, в его внутреннюю и внешнюю агентуру...

...Руководство ОУН, при непосредственном участии и помощи немецкого командования, формирует из украинской националистически настроенной молодежи военизированные отряды и части т. н. «Украинской армии», «Украинских легионов» и «Сичевых Стрельцов», вербуя молодежь в «Украинские таборы» — школы, дружины и курсы, где под руководством немецких офицеров проводится усиленная военная подготовка...

...Помимо указанных украинских частей, немцы организовали «Арбайт Динст» — служба работы и «Верк Динст» — служба охраны.

В «Арбайт Динст» набирается, главным образом, молодежь, интеллигенция. Поступление добровольное или по мобилизации ОУН. Преимуществом пользуются знающие немецкий язык. Обмундированы в немецкую форму темного цвета. Вооружены пистолетами «браунинг» № 2.

Для подготовки личного состава «А-Д» в Закопанном, Кринице и Катовицах существуют 6-ти недельные школы, после чего окончивший школу направляется в Берлин на 2-х месячные курсы.

«Верк Динст» — несет исключительно охрану фабрик и заводов. Обмундированы, как и другие украинские соединения, на фуражках носят «Тризуб»...

...Немецкие власти создали ОУНовцам наиболее привилегированное положение, осуществляя это путем:

- а) Назначения украинских националистов на административные должности, как-то: бургомистрами, волостными и сельскими старостами, чиновниками гос. учреждений и т. д.
- б) Образования украинской полиции, рядовой и комсостав которой вербуются из состава украинских националистов.
- в) Привлечения ОУНовцев к охране границы наравне с немецкими солдатами. Организация для этих целей специальных курсов.

Все эти военные формирования ОУН содержатся на немецкие средства и предполагаются к использованию как против англо-французской коалиции, так и против Советского Союза, на случай военного столкновения между Германией и СССР.

Создавая эти отряды и части, ОУН готовит офицерские и подофицерские кадры путем обучения в специально созданных для этого школах в г. Кракове, в которых готовятся кадры для всех родов войск...

...Вся эта деятельность ОУН тесно переплетается с активной шпионско-террористической и диверсионно-повстанческой работой против СССР, направляемой разведывательными органами Германии...

...Как известно, ОУН состояло на службе разведывательных органов различных стран и в первую очередь Германии.

Созданное по заданию и на средства немцев ОУН, естественно, представляло и представляет собой в настоящее время, прежде всего, агентуру немецких разведывательных органов.

В целях лучшей постановки этой работы и предостережения от проникновения в ОУН советской агентуры, в каждом комитете ОУН имеются офицеры гестапо, которые активно проводят фильтрацию каждого вновь прибывшего украинца с территории быв. Западной Украины.

В настоящее время шпионско-террористическая и диверсионно-повстанческая работа ОУН приняла особо широкие размеры. Агенты, эмиссары, курьеры и бандиты, перебрасываемые на сов. сторону, как правило получают задания по сбору шпионских сведений, интересующих немецкую разведку.

В последнее время ОУН в Германии, по заданию немецких разведывательных органов контактирует свою деятельность против СССР с другими украинскими и русскими белогвардейскими организациями...

...Немецкие разведорганы, помимо использования в целях разведки ОУНовских кадров через соответствующие руководящие центры ОУН, привлекают и непосредственно ОУНовцев для разведработы на сов. стороне...»[65]

В докладной записке заместителя наркома внутренних дел СССР И. И. Масленникова от 5 сентября 1940 г. указывалось, что 31 августа в районе г. Перемышль на границе был задержан нарушитель, который сознался, что является эмиссаром ОУН и одновременно агентом немецкой разведки, завербованном еще в сентябре 1939 г.[66]

В спецсводке о деятельности украинских националистических организациях, подготовленной наркомом внутренних дел УССР И. А. Серову от 11 сентября 1940 г., были представлены данные, что 2-й спецотдел НКВД УССР выявил ряд документов, которые свидетельствуют о проведении различными организациями и обществами Германии активной работы среди украинцев, направленной на восстановление их против СССР. При этом германские организации с ведома властей субсидируют украинские националистические комитеты.[67]

В докладной записке о ходе следствия по делу членов Львовской краевой экзекутивы от 30 сентября 1940 г. нарком внутренних дел УССР И. А. Серов указывал, что среди восьми арестованных двое — Н. М. Матвейчук и М. И. Думанский (начальник отдела разведки краевой экзекутивы и его заместитель) являются также резидентом и агентом немецкой разведки. Также отмечалось, что деньги на создание «Революционного фронта украинцев», переданные нелегалам, отпускаются гестапо.

Помимо этого в докладной указывалось:

«...В настоящее время, как установлено следствием, Краковский центр ОУН всю антисоветскую работу проводит по заданию немецкой разведки.

Предостерегая краевую экзекутиву от самостоятельного вооруженного выступления, Краковский центр и лично его руководитель БАНДЕРА дал директиву (перехваченную нами), переключить работу ОУН на военный шпионаж в пользу Германии...

...В одном из расшифрованных документов, изъятых у арестованного БУЛКИ — закордонного курьера, БАНДЕРА дает прямые указания: «шлите больше шпионских сведений, топографических карт и военной литературы, за все это немцы нас обеспечат оружием и деньгами»...»[68]

Эти же данные фигурируют и в обвинительном заключении по уголовному делу на членов Львовской краевой экзекутивы от 5 декабря 1940 г.:

«...МИРОН (эmissар Краковского центра ОУН) обеспечил каждого из нелегальщиков «заработной платой» из средств, получаемых от сбора членских взносов, а также разведки одного из сопредельных государств...

...Как установлено следствием, Краковский центр ОУН открыто вступил на службу одной из иностранных разведок и всю антисоветскую работу проводит по заданию ее.

Всячески предостерегая краевую экзекутиву от самостоятельного вооруженного выступления, Краковский центр и лично его руководитель БАНДЕРА дал директиву, требующую переключить работу организации украинских националистов на военный шпионаж в пользу иностранной разведки.

Исходя из этой директивы, на отдел разведки краевой экзекутивы был назначен резидент иностранной разведки МАТВИЙЧУК Николай, прочно обосновавшийся под видом научного работника в одном из высших учебных заведений гор. Львова, а его заместителем по руководству периферийными организациями был направлен личный эmissар БАНДЕРЫ — ДУМАНСКИЙ Михаил...

...Все добытые сведения разведкой тщательно шифровали и передавались через Краковский центр одной из иностранных разведок...»[69]

Конкретно было установлено, что агентами иностранной разведки были Н. М. Матвейчук, М. И. Думанский, Р. М. Берест, А. М. Матвейчук, С. И. Думанский, П. В. Клак, С. С. Клак, в чем они также и обвинялись. Дело было передано на рассмотрение Львовского областного суда. Обвинение в шпионаже было предъявлено далеко не всем из 58 участников, проходивших по этому делу, и исключительно на основе материалов следствия.

Суд над участниками состоялся 15—18 января 1941 г. В ходе судебного заседания обвинения в шпионаже в пользу иностранной разведки были установлены и подтверждены. Помимо этого, установлена работа на иностранную разведку Н. М. Гошко. Все обвиняемые на досудебном следствии и судебном заседании признали себя виновными и были приговорены к расстрелу. Подсудимые заявили, что не желают прекратить враждебную деятельность против СССР и будут ее продолжать при любых условиях. Исключение составляла Клак С. С., приговоренная к лишению свободы на 10 лет с поражением в правах и высылкой за пределы УССР после отбытия наказания на пять лет.

Приведем еще несколько выдержек из документов того периода.

В директиве командования погранвойск НКВД СССР об итогах службы по охране государственной границы за апрель — ноябрь 1940 г. от 27 ноября 1940 г. отмечалось, что германская разведка в своей деятельности наиболее широко использует актив ОУН.[70]

В ориентировке особого отдела ГУГБ НКВД СССР от 30 ноября 1940 г. указывалось, что основными кадрами немецкой разведки, засылаемой в СССР, являются квалифицированные агенты оуновской разведки.[71]

В уже упомянутом выше сообщении агента «Украинец» прямо указывается, что руководство ОУН организовало ему встречу с местным руководством гестапо, которое интересовало как положение на Украине, так и деятельность самой ОУН. При этом подчеркивалось, что «...бандеровцы имеют большой удельный вес у немецкого гестапо...»[72]

В докладной записке об итогах проведения операции по ОУН в западных областях Украины от 15 января 1941 г. на имя Л. П. Берии отмечалось, что «...В процессе следствия также вскрыто, что гестапо активизировало свою работу на территории западных областей УССР, используя для этой цели в широких масштабах кадры оуновцев. Арестованные агенты гестапо ГНУРА, ТИХОЛИЗ и ГАУР, на первых же допросах дали показания о своей разведывательной деятельности в пользу Германии...»[73]

В докладе командования пограничных войск НКВД СССР от 13 февраля 1941 г. сообщалось, что на территории бывшей Польши члены ОУН привлекаются к работе в органах госаппарата, из оуновцев создаются вооруженные отряды, которые привлекаются к охране границы с СССР[74], а также подчеркивалось, что «...Основной опорой германской разведки в ее деятельности является ОУН, которая под непосредственным влиянием и руководством гестапо активно проводит свою контрреволюционную антисоветскую деятельность и поставляет кадры разведчиков, диверсантов и террористов...»[75]

В докладной записке о ходе следствия по делам оуновцев от 18 февраля 1941 г. на имя В. Н. Меркулова замнаркома внутренних дел И. М. Ткаченко есть раздел «Шпионаж ОУН в пользу гестапо», в котором отмечалось:

«...Материалами следствия подтверждается, что «ОУН» за границей и здесь является фактически филиалом немецкой разведки, собирающей секретные сведения за определенные вознаграждения со стороны гестапо.

Наиболее рельефно это положение высказал обвиняемый ДУМАНСКИЙ М. (немецкий разведчик и член ОУН) на очной ставке с руководителем окружной Львовской организации ОУН — БИЛЕНЬКИМ.

«...Вы наивно ставите вопрос о доказательствах сотрудничества «ОУН» с немецкой разведкой; общеизвестно, что «ОУН» давно находится на услугах гестапо, об этом знает каждый «хлопак», знаете это и вы» (выделено нами — **Авт.**).

Структура организации «ОУН» на территории СССР предусматривает, как основную часть рабочего аппарата «ОУН», наличие руководителей по разведке, которые руководят этой деятельностью в контакте с проводом «ОУН», получающим определенные задания гестапо, и в обратной последовательности сдают добываемые разведывательные сведения...»[76]

В докладной записке на имя секретаря ЦК КП(б)У Н. С. Хрущева нарком госбезопасности УССР П. Я. Мешик указывал, что:

«...Известно, что при ведении войны немцы практикуют предательский маневр: взрыв в тылу воюющей стороны («пятая колонна» в Испании, измена хорватов в Югославии).

Материалы, добытые в процессе агентурной разработки и следствия по делам участников «Организации украинских националистов» (ОУН), в том числе воззвания и листовки организации свидетельствуют о том, что во время войны Германии с СССР роль «пятой колонны» немцев будет выполнять ОУН...»[77]

В докладе зарубежного агента НКГБ УССР, выписка из которого датирована 17—24 апреля 1941 г., указывается, что члены мельниковского провода ОУН активно прибегают к помощи гестапо в борьбе с бандеровцами. Помимо этого, провод ОУН специально выделил людей для борьбы с польским подпольем. Также сообщаются факты активного сотрудничества оуновцев с гестапо, хотя и отмечается, что многие были недовольны методами работы гестапо и старались порвать с ним.

«...Когда в ОУН возникло два провода, один МЕЛЬНИКА, а другой БАНДЕРЫ, провод МЕЛЬНИКА разрешил всем своим членам без ограничения работать с немецкими властями и Гестапо. Провод БАНДЕРЫ, наоборот, запретил всем своим членам непосредственно работать для Гестапо, запретил также давать какие-нибудь сведения и тем лицам, которые приходят из-за границы.

Все сведения концентрируются в проводе ОУН и, если Гестапо интересуется ими, то пусть обращается к проводу БАНДЕРЫ...»[78]

Продолжим анализ документов советских органов госбезопасности.

В ориентировке 3-го управления Наркомата обороны СССР (военная разведка и контрразведка) от 25 мая 1941 г. констатируется, что второе место по численности среди немецкой агентуры (около 30% общего числа агентов) занимают украинские националисты, вербовку осуществляют органы гестапо и военной разведки Германии.[79]

Ориентировка 3-го управления НКГБ СССР о деятельности нелегальных националистических организаций в Западных областях УССР от 31.05.1941 указывала, что ОУН с самого начала своего существования работает под руководством немецкой разведки, а непосредственно исполнителем указаний разведки в проводе ОУН является Рико Яры[80]. Помимо этого, констатировалось, что Краковский центр ОУН, руководящий всей нелегальной работой на Западной Украине, также находится под руководством немцев[81] и при их активной поддержке перебрасывает через границу специально отобранные и обученные группы нелегалов.[82]

В 1940 г. при «Абверштелле Краков» немцами была организована школа по подготовке разведчиков и диверсантов для проведения подрывной и шпионской работы против Советского Союза. Школа комплектовалась из украинцев — жителей Польши, участников ОУН. Подбор агентов для учебы в школе осуществляли специальные вербовщики из числа оуновских руководителей. Школа была разбита на четыре лагеря (отделения), которые находились в местечках Криница (100 км юго-восточнее Кракова), Дукла (125 км юго-восточнее Кракова), Барвинек (15 км южнее Дуклы) и Каменица (50 км севернее Дуклы). В каждом отделении школы одновременно обучалось 100 — 300 человек. В местечках Дукла, Каменица и Барвинек обучались оуновцы-бандеровцы, а в Кринице — мельниковцы. Агенты проходили военную подготовку и изучали методы разведки, диверсии и организации повстанческого движения. После окончания школы агенты — выходцы из западных областей УССР посылались на дополнительные четырехнедельные курсы, находившиеся при соединении «Бранденбург-800» в Аленцзее, а затем перебрасывались с заданиями в Советский Союз. Переброску агентов осуществляли специальные резиденты через пункты абвера в Венгрии и Словакии. С началом войны против Советского Союза «АСТ Краков» и его филиалы на нашей границе были ликвидированы, а школа расформирована.[83]

31 мая 1941 г. датируется директива наркома госбезопасности УССР П. Я. Мешика начальникам УНКВД западных областей Украины, в которой говорилось:

«...Агентурными материалами и рядом следственных дел, имеющихся во всех Управлениях НКГБ Западных областей, устанавливается, что как мельниковцы, так и бандеровцы, работают в тесном контакте с германской разведкой и создание так называемой «Великой соборной Украины» мыслят себе не иначе, как с помощью немцев...

...Мельниковцы открыто поддерживают связь с Гестапо. Немцы лично переправляют эмиссаров МЕЛЬНИКА на нашу сторону.

Бандеровцы же не разрешают своим членам, помимо провода, связываться с немцами. Все разведывательные данные и задания диверсантам, шпионам и террористам, перебрасываемым на нашу сторону, немцы передают через бандеровский провод.

Немцы, в отличие от мельниковцев, не перебрасывают бандеровцев на нашу территорию, а лишь открывают для них границу в заранее обусловленном месте.

Необходимо указать, что низовка ОУН и некоторая часть среднего руководящего звена не знают о шпионской деятельности БАНДЕРЫ и МЕЛЬНИКА, не знают, что они по существу работают на немцев...»[84].

В материалах советских спецслужб констатировалась абсолютно реальная работа бандеровцев на немецкие разведорганы, притом исключительно с санкции руководства ОУН(Б), но при сокрытии этого факта от рядовых членов организации.

В обзоре работы органов НКВД по борьбе с бандитизмом в западных областях УССР за первое полугодие 1941 г. было зафиксировано, что некоторые участники бандгрупп являлись агентами иностранных разведок и гестапо.[85] А в сводке 6-го отдела 3-го управления НКГБ СССР от 16

июня 1941 г. указывалось, что при разгроме оуновских банд у участников последних изымается оружие немецкого образца, которое они могли получить только из-за границы.[86]

Обратимся теперь к показаниям арестованных бандеровцев.

Так, задержанный член Львовского краевого провода ОУН И. А. Максимов в собственноручных показаниях от 23 октября 1940 г. писал:

«...[Мы] надеялись, что союз между Германией и Советами может оказаться нестойким, поэтому провод ОУН решил стоять твердо на стороне Германии до того времени, когда она сорвет союз с Советами или отношения дипломатические ухудшатся. Тогда ОУН должна выступить вооруженно, прежде всего, на территории Западной Украины...» и «...Краковский центр полагал, что окончательным будет опереться на капиталистические государства, а прежде на Италию и Германию — прежде всего как идеологических противников СССР. Чтобы добиться каких-то успехов в заграничной политике провод ОУН стал безоговорочно на службе чужой разведки...»[87]

То же самое Максимов подтверждал и на допросах:

«...Вопрос: Когда пыталась организация украинских националистов поднять вооруженное восстание против Советской власти?»

Ответ: Вооруженное восстание наша организация готовила в момент благоприятной международной и внутренней обстановки, конкретный день восстания должен был назначить Краковский центр ОУН...

...Вопрос: Как понимать благоприятные для восстания международную и внутреннюю обстановку?

Ответ: Наша организация, готовя вооруженное восстание, рассчитывала на ухудшение взаимоотношений между Германией и СССР с одной стороны, войны между СССР и граничащими с ним государствами Турцией, Японией, Германией.

В отношении внутренней обстановки ОУН рассчитывала на смену правительства из-за внутренних противоречий...

...Вопрос: На какие силы рассчитывала организация украинских националистов при проведении вооруженного восстания?

Ответ: Организация украинских националистов при проведении вооруженного восстания рассчитывала, прежде всего, на состав своей организации, т. е. ее членов, помощь со стороны украинского народа и интервенцию со стороны Германии.

Вопрос: Что конкретно сделано организацией украинских националистов по подготовке вооруженного восстания против Советской власти?

Ответ: Конкретно организацией украинских националистов по подготовке вооруженного восстания сделано следующее:

1. Закордонный центр имел переговоры с правительствами некоторых государств (Италия, Германия) о помощи военными силами на случай восстания.
2. Проводилась военная подготовка среди членов ОУН.
3. Был составлен мобилизационный план, в котором был изложен ход подготовки и проведения восстания.

Вопрос: Где проводилась военная подготовка членов ОУН?

Ответ: Военная подготовка членов ОУН проводилась в Германии, откуда подготовленные в военном отношении участники ОУН перебрасывались нелегально на территорию СССР, а также и на территорию западных областей Украины...»[88]

После войны сотрудничество бандеровцев с германскими спецслужбами также интересовало советские органы госбезопасности. Так, один из арестованных членов ОУН на допросе показал, что адъютант Коновальца Рико Ярый был посредником между ОУН и немецкой военной разведкой абвером. [89]Контакты с абвером и предтечей ОУН УВО начались еще с 1921-м — 1923 гг. — абвер снабжал УВО оружием, предоставлял убежище бежавшим из Польши функционерам организации в обмен на разведку и террористические акты против Польши. Впоследствии с 1934 г. по указаниям абвера УВО расширило свою разведывательную деятельность далее на восток, т. е. против СССР. Допрашиваемый в качестве причины организации ОУН указывает то, что УВО дискредитировала себя в связях с немецкими спецслужбами, поэтому последние «порекомендовали» «сменить вывеску».

После раскола Ярый остался на своей должности и продолжал осуществлять связь с абвером, но уже Бандеры. Из показаний уже упомянутого нами члена ОУН по поводу раскола: «...Здесь ярко всплыла и показала себя линия, занятая МЕЛЬНИКОМ, это тяготение в сторону англо-американцев. Однако гестапо опередило надежды МЕЛЬНИКА и прибрало его к своим рукам, в связи с чем в ОУН появилось два течения. Одно течение — Мельниковское находилось под влиянием целиком и полностью гестапо, и другое течение — ЯРЫЙ под влиянием Абвера.

Позднее, в 1939 году, после освобождения из тюрьмы Степана БАНДЕРЫ, последний вошел в течение ЯРОГО, став затем главой ОУН. При этом течение БАНДЕРЫ было не только под влиянием Абвера с точки зрения использования ОУН в разведывательных целях, но и диверсионно-террористических...»[90]

Из показаний арестованного: «...В 1934 г. гестапо арестовало ЯРОГО, а в этот момент Абвер изъясил все архивы его и таким образом в руках гестапо оказался один ЯРЫЙ, как бы не участвующий в достаточной мере. Между гестапо и Абвером пошла борьба за ЯРОГО и, в конце концов, гестапо освободило ЯРЫЙ...»

29 декабря 1946 г. была допрошена арестованная А. Я Танчакивская (жена члена провода ОУН В. Горбового, родственника которого Ярослава мельниковцы обвиняли в сотрудничестве с НКВД). Вот выдержка из ее показаний:

«...ВОПРОС: По чьей инициативе организовывались встречи руководителей ОУН с представителями немцев.

ОТВЕТ: Инициаторами этих переговоров были Бандера и Горбовой, который, кстати, намечался министром иностранных дел в т. н. «Украинском правительстве»...

...После раскола ОУН немцы первое время более благосклонно относились к мельниковцам. В начале же 1941 г., т. е. незадолго до нападения Германии на Советский Союз, немцы изменили свое отношение к бандеровцам и начали их привлекать к сотрудничеству, используя последних, как свою агентуру на Востоке.

К этому периоду, как раз и относятся совместные совещания руководителей ОУН с немецкими официальными представителями, которые имели место весной 1941 г.

Как я уже показала, цель всех этих посещений в основном сводилась к тому, чтобы нанести совместный удар против Советского Союза, в связи с подготовкой Германии к войне, а для этого нужно было наладить контакт с немцами, пойдя на услужение последним, несмотря на то, что это шло в разрез с теми «идеями», о которых трубили националисты...» [91]

На допросе Танчакивская подробнейшим образом описала совместные ужины руководства бандеровского крыла ОУН с представителями немецкой администрации, спецслужб и вермахта, организованные ею по указанию бандеровского руководства, на которых обсуждались совместные планы в связи с будущей войной с СССР.

Еще ранее, в 1945 г., в руки советских органов госбезопасности попал член Центрального провода ОУН (Бандеры) Александр Луцкий, как мы уже указывали ранее — окончивший немецкую разведшколу. Процитируем объемный фрагмент на допросе 31 июля — 1 августа 1945 г.:

«...ВОПРОС: Известно, что еще задолго до нападения Германии на СССР, ОУН на территории Украины, по заданию немцев, вела активную подрывную деятельность, а с началом войны украинские националисты, с оружием в руках, вместе с немцами, выступили против Советской власти.

Расскажите, что Вам известно о связи ОУН с немцами до начала войны?

ОТВЕТ: Украинские националисты на протяжении ряда лет еще при Евгении КОНОВАЛЬЦЕ в своей политике ориентировались на фашистскую Германию.

До 1939 года основными своими врагами ОУН считала Польшу и Советский Союз и потому свою работу в основном направляла против этих государств.

Главный «Провод» понимал, что сама ОУН в борьбе за создание «Самостийной Украины» бессильна, что добиться своей цели она сможет только при помощи Германии. Поэтому ОУН поддерживала связь с немцами и получала от них определенную помощь.

В чем именно заключалось существо контакта между ОУН и немцами до 1939 года я не знаю, так как долгое время в связи с нахождением в тюрьме от ОУН был отрезан, а с выходом на свободу, хотя и включился в работу ОУН, все же был далек от Центрального «Провода», и потому его политика в деталях мне была известна.

О сотрудничестве ОУН с немцами в период 1939 года свидетельствует тот факт, что уже накануне нападения Германии на Польшу на территории Германии «Проводом» ОУН и немцами был сформирован националистический легион под командованием поручика польской армии украинца КАРАЧЕВСКОГО Иосифа, известного в оуновском подполье под псевдонимом «Поручик Свобода». До 1941 года КАРАЧЕВСКИЙ работал в военном отделе Главного «Провода» ОУН.

Легион «Свободы» на территорию Польши вступил в первом эшелоне немецкой армии.

По окончании польской кампании легион был распущен, но участники его немцами были направлены в разные разведшколы и на другие работы в самой Германии.

После поражения Польши единственным противником ОУН оставался СССР и потому в еще большей мере симпатии ОУН стали на стороне Германии, так как считали, что такие две противоположные системы, как фашизм и коммунизм рано или поздно столкнутся и победителем, по мнению националистов, выйдет германский фашизм.

Центральный «Провод» ОУН под руководством МЕЛЬНИКА уже давно с первого дня своего существования был послушным орудием у немцев.

Немцы, привыкшие к услужливости МЕЛЬНИКА, некоторое время не признавали бандеровского «Провода», хотя последний на территории генерал-губернаторства и существовал с их ведома.

Это была своеобразная тактика немцев в расчете на то, что бандеровцы рано или поздно обратятся к ним за помощью и тогда можно будет дать им эту помощь за большую цену.

Впоследствии немцы признали бандеровский «Провод», но вместе с тем держали у себя на службе и мельниковцев. Немцы искусно усугубляли раскол в ОУН, так как это вело к ослаблению сил организации, иметь же перед собой сильную организацию, которая ставила своей целью борьбу за создание «самостоятельной Украины», немцы не хотели, ибо их планами создание такой Украины не предусматривалось.

К концу 1940 года и началу 1941 года влияние мельниковцев оказалось очень слабым, в силу чего немцы все чаще и чаще стали пользоваться услугами бандеровцев.

1939 г. Пограничные вопросы между вермахтом и РККА

Я не могу ничего сказать о фактах конкретного сотрудничества ОУН с немцами, так как почти весь 1940 год находился на территории Западной Украины.

Во всяком случае, работая до марта 1940 года в военной референтуре Центрального «Провода» ОУН, я знал, что военный референт «Провода» полковник СУШКО Роман все сведения о Советском Союзе, получаемые от ОУН Западной Украины за денежное вознаграждение передавал немцам, что и выяснилось впоследствии.

О сотрудничестве ОУН с немцами говорилось открыто, все националистические кадры ориентировались на то, что при помощи немцев мы разобьем СССР и создадим т. н. «Самостийну Украину».

Я не знаю точно, в какие размеры и формы вылилось это сотрудничество в период до весны 1941 года, но мне известно, что немцы использовали украинских националистов для шпионской и диверсионной деятельности на советской территории, снабжали их оружием, готовили оуновские организации для выступления против Советского Союза в момент нападения Германии.

Весной 1941 года по договоренности Главного «Провода» ОУН с немцами, в Германии из участников ОУН был сформирован легион имени Евгения КОНОВАЛЬЦА, который вместе с немецкой армией принял активное участие в боях против Красной Армии, а впоследствии, под руководством немецких карательных органов, вел борьбу с советскими партизанами.

ВОПРОС: Вы лично принимали участие в формировании легиона имени Евгения КОНОВАЛЬЦА?

ОТВЕТ: Да, принимал. Формирование легиона им. КОНОВАЛЬЦА началось во 2-й половине марта 1941 года, сразу же после 2-го конгресса ОУН.

В конце марта 1941 года Главным «Проводом» ОУН был создан военный штаб.

Одним из отделов штаба, мобилизационным, руководил ЛЕБЕДЬ Николай и я как его заместитель.

В задачу отдела входило формирование легиона им. Евгения КОНОВАЛЬЦА.

Являясь заместителем ЛЕБЕДЯ, я подбирал подходящих оуновцев и направлял их на места формирования легиона.

Практически осуществлялось это так: из «провода» ОУН я получил анкеты членов и симпатиков ОУН и решил вопрос о их пригодности к военной службе.

После того, как подбиралась группа лиц, я передавал списки работнику мобилизационного отдела ФЕДАК Владимиру, псевдоним «ГРАБ», который уже непосредственно связывался с представителями немецких воинских властей и по договоренности с последними направлял отобранных мною лиц в места формирования легиона.

Аналогичные функции также выполнял и ЛОПАТИНСКИЙ, псевдоним «КАЛИНА», работавший в моботделе военного штаба ОУН.

ВОПРОС: Где формировался легион им. КОНОВАЛЬЦА?

ОТВЕТ: Вообще Главным «Проводом» ОУН, с согласия и при участии немцев, на территории Германии сперва был сформирован один легион им. Е. КОНОВАЛЬЦА. Впоследствии немцы легиону, созданному на севере Германии, дали название «СОЛОВЕЙКО», который был сформирован в июне 1941 года полковником ЯРЫМ. Легиону на юге Германии немцы дали название «РОЛЯНД».

Говоря о формировании антисоветского легиона «СОЛОВЕЙКО», следует указать, что формирование его началось в марте 1941 года, т. е. за три месяца до нападения Германии на Советский Союз.

Говорить откровенно о том, что легион формируется для предстоящих боев с Красной Армией в то время нельзя было, поэтому всем, кого направляли в легион, заявляли что они командированы на военные курсы по подготовке военных специалистов ОУН. Даже мне до начала июня 1941 года ЛЕБЕДЬ официально заявлял, что этих людей мы направляем на военные курсы. И лишь в начале июня 1941 года в разговоре немецкий офицер граф ТУН мне заявил, что в ближайшем будущем Германия нападет на Советский Союз, после чего мне стало ясно, что сформированный нами легион предназначается для нападения на Советский Союз.

Главным «Проводом» ОУН в северный легион «СОЛОВЕЙКО» было направлено около 400 человек членов и симпатиков ОУН. Легион состоял из трех групп:

Первая группа — насчитывала около 150 человек находилась в гор. Бранденбурге.

Вторая группа — дислоцировалась в гор. Криница. В эту группу было направлено около 100 чел.

Третья группа — формировалась в районе Карпатских гор, в этой группе было также около 100 чел.

В мае 1941 года после прохождения военной подготовки все три группы немцы передислоцировали в гор. Нойгамер, где до середины июня 1941 года группы, сведенные в батальон, продолжали военную учебу. В середине июня 1941 года наш легион был переведен к советской границе.

О формировании южного легиона «РОЛЯНД» я знаю мало, так как отношения к нему не имел. Он был сформирован близ города Вены полковником ЯРЫМ, который впоследствии и являлся его комендантом...» [92]

После окончания Великой Отечественной войны советскими органами госбезопасности были арестованы сотрудники немецкой военной разведки, в том числе и достаточно высокопоставленные, которые непосредственно курировали украинских националистов. Приведем выдержки из их показаний.

Арестованный лейтенант Зигфрид Мюллер, бывший офицер «Абверкоманды-202», 19 сентября 1946 г. на допросе показал:

«...В 1940 году, во время моей работы в 4-м отделе (гестапо) реферата (по делам иностранцев, находящихся на немецкой территории) Главного управления имперской безопасности Германии, один из лидеров украинских националистов — МЕЛЬНИК посещал начальника отдела 4-Д ШРОЙДЕРА в его служебном помещении гестапо, где и получал необходимые указания по работе.

МЕЛЬНИКА я сам часто видел в стенах гестапо, а со слов ШРОЙДЕРА мне было известно, что он предложил МЕЛЬНИКУ создать в Берлине «Управление по украинским делам», деятельность которого направлялась бы германской разведкой.

От того же ШРОЙДЕРА я знал, что гестапо стремилось путем создания «Управления по украинским делам» в Берлине, консолидировать украинское националистическое движение и через МЕЛЬНИКА поставить его под свой постоянный контроль...

...В ноябре 1940 года я перешел работать в «Абвер», где узнал, что МЕЛЬНИК, кроме связи с гестапо, работает в германской военной разведке. Он был резидентом «Абверштелле-Берлин»...

...Я работал в 1-м разведывательном отделе «Абверштелле-Берлин» в должности референта по разведке против СССР. Вместе со мной в одном служебном кабинете работал капитан ПУЛЮЙ, у которого МЕЛЬНИК был на связи и представлял ему разведывательные данные о Советском Союзе. Все шпионские сведения об СССР МЕЛЬНИК получал от своих сторонников

— украинских националистов на территории Западной Украины и от резидентуры в гор. Новый Золь (Чехословакия).

В делах ПУЛЮЯ я видел личное обязательство МЕЛЬНИКА о сотрудничестве в «Абвершталле-Берлине» с приложением его фотографии.

ПУЛЮЙ работал с МЕЛЬНИКОМ под псевдонимом «Доктор Нухерт», псевдонима МЕЛЬНИКА по «Абверштелле» я не знаю...» [93]

Еще ранее был допрошен фельдфебель Альфонс Паулюс, служивший в полке особого назначения Бранденбург-800. Уточним — полк подчинялся управлению «Абвер-2» и предназначался для действий в тылу противника (армейский спецназ), при этом одними из задач полка было проведение разведки на территории Западной Украины и диверсий и саботажа в тылу. Непосредственно А. Паулюс служил под командованием подполковника Эрнста цу Эйкерна в подгруппе II, которая занималась подготовкой выполнения диверсионных задач мельниковцами и бандеровцами. В собственноручных показаниях, в частности, он писал:

«...В Кракове самой важной задачей было использование «бандеровцев» и «мельниковцев» для работы против России.

Полковник немецкой военной разведки (абвера) Альфред Бизанц

Группы «бандеровцев» носили название по имени своего начальника. Их целью было создание самостоятельной Западной Украины, для достижения этой цели они сообща действовали с немецкими войсками. Связь с ними осуществлялась II-м Управлением «Абвера» и краковским пунктом «Абвера», который по указанию главного штаба вооруженных сил использовал «бандеровцев» на заданиях.

Сам БАНДЕРА находился в Берлине при главном штабе вооруженных сил. Я его однажды видел в Кракове на совещании, а затем сопровождал его при переводе в Берлин, где я его передал полковнику «Абвер» II Востока — в августе 1941 года...

...бандеровские отряды работают по заданию «Абвера», дают своих людей для выполнения отдельных заданий на русской территории (Западная Украина) и для охраны заводов в генерал-губернаторстве...

...Украинцы... направлялись в учебные лагеря в Криница, Дукла, Барвинк, Команоча. Эти учебные лагеря были замаскированы под лагеря трудовой повинности. Для большей конспирации от польского населения людей, содержащихся в этих лагерях, часто выводили на прокладку грунтовых дорог, выкорчевку леса и др. работы...

...Бандеровцы направлялись в лагеря Дукла, Каманецы, Барвинск, а мельниковцы в Криницу...

...Особое обучение проходили украинцы из Западной Украины, занятой русскими. Для них были созданы 4-недельные курсы «Абвера» в Аленцзее (Бранденбург). После этого их использовали на особых заданиях по установлению важных военных предприятий, переход через демаркационную линию и т. д. Если этих людей снабжали радиоаппаратом, то с этой целью они проходили еще специальный курс радио в подгруппе «Абвера» I. Переброской через демаркационную линию и получением сведений руководили резиденты пункта «Абвер»...

...С началом войны с Россией обучавшиеся в лагерях бандеровцы были направлены в Нейехаммер (Заган) и там приданы к частям полка «Бранденбург». Таким образом, были созданы два отряда «Соловей» и «Шахтер». Начальниками этих отрядов были оберлейтенанты ГЕРЦНЕР и ОБЕРЛЕНДЕР.

Под Винницей оба отряда понесли большие потери, вследствие чего были с фронта отозваны и расформированы...

...Переброска агентов происходила регулярно с мая 1941 г. по июль 1942 г...

...Во время моей деятельности в пункте «Абвера» в Кракове существовало еще другое украинско-национальное движение, которое использовалось «Абвером» — это группа под руководством полковника МЕЛЬНИК. Эта группа состояла главным образом из эмигрантов, с приходом русских, бежавших в Польшу, центр ее находился в Кракове на Грюгенсассе, 12. Эта группа для маскировки носила название «Комитет помощи украинцам»...

...После начала похода против России группа МЕЛЬНИКА регулярно поставляла пункту «Абвера» переводчиков, которых передавали в войсковые части. Группа МЕЛЬНИКА всегда работала по заданиям немцев и позднее «бандеровцы» выступали против нее... Зондерфюрер БАРГЕЛЬ из подгруппы II сообщил мне, что люди МЕЛЬНИКА использовались на русской территории главным образом в качестве пропагандистов... Группа МЕЛЬНИКА имела связь с управлением генерал-губернаторства, через полковника БИЗАНЦ и правительственного советника д-ра ФЕЛЬ...» [94]

Однако есть в архивах и показания полковника Альфреда Бизанца в 1949 г. Он рассказал о сотрудничестве немецких спецслужб и бандеровцев.

Бизанц показал, что он лично принимал группу украинских националистов во главе с Бандерой в начале декабря 1939 г., в этой группе был и будущий главнокомандующий УПА активный член

ОУН Р. Шухевич. Впоследствии он с Шухевичем столкнулся в 1940 г. в разведшколе г. Криница, где Шухевич проходил обучение диверсионно-разведывательному ремеслу. Так:

«...В мае месяце 1940 года немецким разведывательным органом в городе Кракове «Абверштелле-Краков» были созданы три разведывательно-диверсионные школы в городах Краковского воеводства Польши: Криница, Ясло и Вислок-Вельки. Официально эти школы назывались «рабочими школами» — «Арбайтсдиенштуле» — и имели порядковые номера: в Кринице «Арбайтсдиенштуле» № 1, в Ясло — № 2 и Вислок-Вельки — № 3.

Руководителем всех трех школ являлся капитан немецкой армии Эрнст цу ЭЙКЕРН, который одновременно был начальником отдела «Абвер-2» в разведывательном органе «Абверштелле-Краков». Заместителем ЭЙКЕРНА был профессор, он же оберлейтенант немецкой армии ОБЕРЛЕНДЕР.

Школой в городе Криница руководил немецкий фельдфебель, фамилии которого не помню. Кроме этого фельдфебеля, ни одного немца в школе не было, все преподаватели так же, как и личный состав школы, был из украинцев, уроженцев и жителей Галиции. В школе обучалось 50 человек украинцев-галичан, которые были отобраны для учебы заместителем главаря украинских националистов Андрея МЕЛЬНИКА — СУШКО Романом. Преподавателями школы были также украинцы-галичане, которые еще до 1939 года прошли подготовку в созданных немцами школах. Таких преподавателей было пять. Кроме них, в школе было человек 4 — 5 инструкторов, из числа обучавшихся, которые занимались с личным составом ежедневной строевой подготовкой. Таким инструктором являлся и ШУХЕВИЧ...

Ну, знакомые все лица, особенно Тедди Оберлендер — командир разведывательно-диверсионного подразделения «Нахтигаль» («Соловейко»).

И вновь слово Бизанцу: *«...Перед самым нападением Германии на Советский Союз, в начале 1941 года, немцами был создан и направлен в состав действующей немецкой армии батальон украинцев-галичан, который затем участвовал в боях против Советской Армии в направлении Львов-Тернополь-Проскуров-Винница. В составе этого батальона служил и ШУХЕВИЧ, в чине капитана немецкой армии, командуя ротой...»*

Продолжаем цитировать показания немецкого полковника:

«...От заместителя ЭЙКЕРНА оберлейтенанта ОБЕРЛЕНДЕРА я хорошо знал, что окончившие школу украинцы-галичане направлялись затем с разведывательно-диверсионными заданиями за линию советско-германского фронта для подрывной деятельности в тылу Советской Армии, а также вели контрразведывательную работу среди рабочих польских фабрик и заводов и в лагерях среди польских военнопленных. ШУХЕВИЧ же, как это стало известно потом от него самого и от старшего лейтенанта ОБЕРЛЕНДЕРА, некоторое время еще находился в школе в Криницах, а затем в составе большой группы учащихся школы был направлен в высшую специальную разведывательную школу немецкого «Абвера» под Берлином...

...Школа была создана заместителем руководителя немецкого «Абвера» КАНАРИСА генералом ЛАХУЗЕНОМ. В школе обучалось свыше одной тысячи лиц украинской

национальности и, кроме того, большое количество лиц других национальностей. Школа готовила шпионов, диверсантов и террористов для ведения подрывной деятельности на территории Советского Союза. Там преподавались военное дело, приемы шпионажа, диверсий, террора, подрывное и радиодело, имелись специальные офицерские курсы для подготовки командного состава для так называемых «национальных легионов», создававшихся немцами...» [95]

В мае 1945 г. советскими органами госбезопасности был арестован полковник Эрвин Штольце. Тот самый, ранее упоминавшийся как один из руководителей абвера, который отвечал за подготовку диверсионных актов и работу по разложению советского тыла. Из его показаний также целесообразно процитировать обширный фрагмент:

«...Для подрывной деятельности в Польше мы

использовали украинских националистов. С целью привлечения широких масс для подрывной деятельности против поляков нами был завербован руководитель украинского националистического движения полковник петлюровской армии, белоземigrant ЕВГЕН КОНОВАЛЕЦ, через которого в Польше, областях Западной Украины проводились террористические акты, диверсии, а в отдельных местах — небольшие восстания...96

...В начале 1938 года я лично получил указания от адмирала КАНАРИСА о переключении имеющейся агентуры из числа украинских националистов на непосредственную работу против Советского Союза...

...КОНОВАЛЕЦ охотно согласился переключить часть оуновского подполья непосредственно против Советского Союза, так как считал, что работу против поляков надо также продолжать, ибо эти мероприятия нами одобрялись...

...В работе полковника КОНОВАЛЕЦ, как нашего агента для сохранения условий конспирации, был завербован по его рекомендации украинский националист, ротмистр петлюровской армии ЯРЫЙ, под кличкой «КОНСУЛ-2», который использовался нами как агент-связник между нами и КОНОВАЛЬЦЕМ, а КОНОВАЛЬЦЕМ, в свою очередь, как связник с националистическим подпольем...

...В конце 1938 года или в начале 1939 года ЛАХАУЗЕНУ была организована встреча с МЕЛЬНИКОМ, во время которой последний был завербован и получил кличку «КОНСУЛ».

Поскольку МЕЛЬНИК должен был состоять на связи как агент лично у меня, то во время его вербовки я также присутствовал...

...Абвер при проведении подрывной работы против СССР использовал свою агентуру для разжигания национальной вражды между народами Советского Союза.

Выполняя... указания КЕЙТЕЛЯ и ЙОДЛЯ, я связался с находившимися на службе в германской разведке украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских группировок, которых привлек для выполнения поставленных задач.

В частности мною лично было дано указание руководителям украинских националистов, германским агентам МЕЛЬНИКУ (кличка «КОНСУЛ-1») и БАНДЕРЕ организовать сразу после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение о происходящем якобы разложении советского тыла...

...Основным мероприятием МЕЛЬНИК ставил налаживание связей украинских националистов, проводивших работу в Польше, с националистами Советской Украины, с целью подготовки восстания, проведения диверсий и шпионажа на территории СССР.

Тогда же МЕЛЬНИК просил, чтобы все расходы, необходимые для организации подрывной деятельности, взял на себя «Абвер», что и было сделано.

На последующих встречах МЕЛЬНИК просил санкционировать организацию отдела разведки при организации украинских националистов, во главе которого он был намерен, а позднее поставил видного украинского националиста полковника СУШКО...

...После окончания войны с Польшей, Германия усиленно готовилась к войне против Советского Союза и поэтому по линии «Абвера» принимались меры активизации подрывной деятельности, так как те мероприятия, которые проводились через МЕЛЬНИКА и другую агентуру, казались недостаточными.

В этих целях был завербован видный украинский националист БАНДЕРА Степан, который в ходе войны был немцами освобожден из тюрьмы, куда он был заключен польскими властями за участие в террористическом акте против руководителей польского правительства.

Кто вербовал БАНДЕРУ — я не помню, но последний на связи состоял у меня...»

На другом допросе Штольце уточнил свои показания:

«...Начиная с 1935 года, на германскую разведку стала работать группа «украинских националистов» во главе с бывшим полковником петлюровской армии КОНОВАЛЬЦЕМ (кличка «Консул-1»).

Первоначально КОНОВАЛЕЦ снабжал германскую разведку сведениями о военнополитическом положении Польши, а после 1939 года его группа приступила к выполнению шпионско-диверсионной деятельности в Советском Союзе. Связником от КОНОВАЛЬЦА к Абверу являлся агент германской разведки ЯРЫЙ (кличка «Консул-II»).

Замещая сотрудника Абвера майора ФОСС, работавшего по руководству шпионской деятельностью группы КОНОВАЛЬЦА, я неоднократно принимал ЯРОГО, получал от него донесения и передавал ему деньги для оплаты агентуры...

...В 1937 году с активизацией подготовки наступления на Польшу, связь с организацией КОНОВАЛЬЦА было возобновлена...

...После убийства КОНОВАЛЬЦА в Голландии в 1938 году ЯРЫЙ свел меня с двумя руководителями Организации Украинских Националистов БАНДЕРОЙ и МЕЛЬНИКОМ, претендовавшими на роль преемника КОНОВАЛЬЦА...

...Согласно моей рекомендации, КАНАРИС остановился на кандидатуре БАНДЕРЫ и ему была поручена организация антисоветских выступлений на территории Западной Украины.

В этой деятельности БАНДЕРЕ должна была помочь «Абверштелле Краков», где работу по линии «Абвер-2» возглавлял майор Эрнст ЦУККЕРН, а впоследствии капитан ЛАЗАРИК...» [97]

Подводя некоторые итоги, подчеркнем, что противником советских органов государственной безопасности оказалась мощная, хорошо законспирированная и имеющая опыт подпольной работы террористическая организация.

Эта организация взяла курс на подготовку вооруженного восстания и активно его готовила. Более того, восстание было приурочено к началу боевых действий с одним из вероятных (но по сути главных) противников Советского Союза — нацистской Германией.

И, наконец, эта организация долгое время находилась фактически на содержании спецслужб нацистской Германии, подготовка к вооруженному восстанию проводилась при непосредственной поддержке этих спецслужб и увязывалась со вторжением германских войск на территорию нашей Родины.

Казалось, советским чекистам действительно было от чего схватиться за голову...

Но за голову никто не хватался, а шла планомерная профессиональная работа по пресечению деятельности ОУН на территории Западной Украины.

После приказа об организации управлений НКВД в областях Западной Украины началась уже реальная оперативная работа по выявлению оуновского подполья.

Однако не все шло так гладко. В частности, начальник оперативных групп НКВД УССР старший лейтенант госбезопасности Положинский докладывал И. А. Серову 23 ноября 1939 г., что

организация Станиславского УНКВД не закончена, штаты не укомплектованы, большая часть оперативных работников еще не прибыли и находятся на прежних должностях, отделы на отделения пока не разбиты, а оперативно-чекистская работа в отношении националистического подполья фактически только начинается. [98]

Такая же проверка по Тарнопольской* области показала несколько лучшие результаты. [99] Это объяснялось тем, что начальником УНКВД остался руководитель оперативно-чекистской группы. Однако отмечались те же недостатки — отсутствие глубокой агентурной работы по подполью, разработка подпольщиков прежде всего по данным захваченных документов польских спецслужб, упрощенное окончание следственных дел и плохая оперативная связь с районами. Также существенным недостатком было то, что во вновь организуемых управлениях было много офицеров-пограничников, которые, прекрасно разбираясь в боевых операциях, очень слабо знали следственное дело, а об агентурных разработках имели лишь общее представление. Этих оперативников еще нужно было научить.

Тем не менее первые результаты уже были. Так, на 27 ноября 1939 г. по Западной Украине было арестовано 5972 человека. [100] Из них основная масса — бывшие офицеры, жандармы, полицейские и агенты полиции и уголовники. Оуновцев среди арестованных было 280 человек, по Львовской области — 65, Тарнопольской — 108, Станиславской — 53, Луцкой — 54. На указанную дату было 389 законченных дел, переданных на рассмотрение в военные трибуналы (напомним, судебная система на тот момент только начинала организовываться и в связи с военным положением дела рассматривались в трибуналах), из них заслушано 156. Всего же предстояло разобрать 5583 дела. И. А. Серов отмечает, что дела начали направлять не только в военные трибуналы, но и в областные суды.

Следует отметить, что, несмотря на первоначальный шок от вступления РККА на территорию Западной Украины и организацию советской власти — совсем не так себе видело руководство ОУН развитие политической ситуации на территории Польши — и, несмотря на внутренние разборки, организация довольно быстро начала восстанавливать первоначальные связи. Помогла в этом определенная «прозрачность» границы между СССР и Германией в начальный период. И помощь немецких спецслужб. Эмиссары ОУН достаточно легко проникали на сопредельную территорию в 1939 и начале 1940 гг. и постепенно восстанавливали бывшие связи и конспиративную сетку. Кроме того, опытные нелегалы были выпущены из польских тюрем — и тут же включились в организацию подпольной работы, как в самом Краковском центре, так и непосредственно на местах.

Уже в начале 1940 г. началась активная переброска эмиссаров ОУН из-за границы с целью оценить ситуацию на местах, составить представление о кадровом составе, наличии оружия (а его было много попрячено по селам в «наследство» от польской армии и полиции) и настроении местных жителей. Усилилась разведывательная работа против СССР в плане установления данных о Красной Армии и органах НКВД. Кроме того, началась активная пропагандистская кампания среди местного населения на тему создания независимой Украины и усилилась вербовка в члены организации.

Начинаются первые вооруженные выступления украинских националистов против советской власти. Так, в докладной записке на имя И. А. Серова от 5 марта 1940 г. руководство УНКВД

Тарнопольской области указывало, что первоначально ОУН взяло курс на максимальное представительство в Народном Собрании путем баллотирования своих членов с целью легитимизации курса на независимую Украину.[101] Когда эта акция полностью провалилась, началась подготовка к вооруженному восстанию. Кстати, докладная записка была посвящена расследованию попытки вооруженного восстания в Збаражском районе Тарнопольской области 18—19 декабря 1939 г. Всего было арестовано 64 человека. Восстание удалось быстро и практически бескровно (был ранен один сотрудник НКВД и убит один из повстанцев) подавить. Однако части организаторов удалось скрыться.

Исходя из оперативных данных, вся серьезность ситуации осознавалась руководством органов госбезопасности. Так, оперативно-чекистской группой по Волынской области был арестован один из руководителей ОУН на Волыни, который сознался, что был переброшен на территорию Западной Украины для организации повстанческой деятельности.[102] Сходные данные поступали от оперативно-чекистской группы по Тарнопольщине.[103] Была вскрыта мощная подпольная организация, готовившая вооруженное восстание на территории Западной Украины. Причем организация была многослойная — тесно переплетались украинские и польские националистические организации с привлечением бывших офицеров польской армии и, что самое серьезное, молодежи вплоть до учеников средних школ. Всего было арестовано 540 человек. Организации имели оружие, даже ручные и станковые пулеметы.

Также в марте—апреле 1940 г. Львовское УНКВД арестовало руководство краевой экзекутивы и основной актив ОУН по Львовской области.

В ориентировке от 17 мая 1940 г. четко указывалось, что ОУН взяла курс на вооруженное восстание, которое планировалось на весну 1940 г. [104] Во время боевых действий РККА против Польши оуновским организациям была дана установка не проявлять себя, а инфильтроваться в местные органы самоуправления, милицию и стремиться проникнуть в комсомол и партию. Впоследствии эта схема будет реализована в послевоенные годы в виде специальной тактической схемы и принесет успех. Отмечаются указания руководства ОУН по ведению активного саботажа, восстановлению конспиративных структур и созданию боевых групп («боиовок»). Также отмечается активная работа по созданию новых оуновских ячеек и тщательной фильтрации имеющихся от подозреваемых в сотрудничестве с органами госбезопасности и «ненадежных» элементов. Указывается на организацию разведотделов при уездных и областных экзекутивах, поиск путей приобретения оружия и его переброски из Германии, а также ведение активной работы по подготовке террористических актов и партизанской войны. Это же отмечалось и в специальной директиве НКВД УССР руководству УНКВД по Тарнопольской области.[105] Судя по всему, и небезосновательно, руководство украинских органов госбезопасности считало Тарнопольщину центром организации повстанческого движения.

Такая активность не оставалась незамеченной. В директиве начальникам областных УНКВД нарком внутренних дел И. А. Серов требовал активизировать агентурно-оперативную работу, тщательно разработать архивы польских спецслужб, пересмотреть ранее ликвидированные агентурные дела и активизировать агентурное обслуживание и разработку беженцев и безработных. Все это требовалось в связи с активизацией немецкой агентуры, в частности из среды украинских националистов.[106]

Появились и первые результаты перестройки работы. По агентурным делам «Недобитые» и «Выродки» Волынским УНКВД была разгромлена ячейка ОУН по Луцкому району, два руководителя застрелились при вооруженном захвате, остальные участники (за исключением одного) были арестованы.**[107]** Также была разгромлена подпольная оружейная мастерская, изъяты оружие и списки участников организации по селам. Были ликвидированы ячейки ОУН по Косовскому и Жабьевскому районам Станиславской области — по агентурному делу «Террористы».**[108]** Организация имела в своем составе боевую группу и занималась террором сельского актива (всего было 6 терактов). По агентурному делу арестованы и преданы суду 23 человека. Однако части подпольщиков удалось скрыться, на них было заведена агентурная разработка «Охвостье».

Наконец, в сентябре 1940 г. была разгромлена Львовская краевая экзекутива ОУН.**[109]** Как уже ранее упоминалось, первый раз ее разгромили еще весной, однако часть оуновцев перешли на нелегальное положение, а часть — скрылись за рубежом. Позднее для восстановления сетки были присланы эмиссары из-за границы, в частности руководитель экзекутивы Мирон Дмитро (ему удалось скрыться). За лето была полностью восстановлена оуновская сетка, и 1 сентября состоялось первое совещание нового состава Львовской экзекутивы. Однако уже 4 сентября секретно был задержан руководитель организационного отдела Иван Максимов, который сразу же дал развернутые показания. В результате весь состав экзекутивы был арестован.

Всего по делу арестовано в ходе спецоперации 107 человек, из них курьеров краевой экзекутивы — 8, областных — 3, окружных и районных — 11 и содержателей конспиративных квартир — 9. Также агентурно-следственным путем вскрыты областные и районные центры по Тернопольской, Дрогобычской, Станиславской, Ровенской и Волынской областям. Руководители оуновского подполья по Тернопольщине (Олег Вальчик) и Дрогобычской области (Цмоц) также были арестованы.

Было установлено, что на 1 сентября численность оуновского подполья составляла 5500 человек, подчиненных единому руководству из Львова, которое подготавливало вооруженное восстание (не получилось по Волыни и Тернопольщине — центр был перенесен во Львов).

Также является важным, что львовские эмиссары подняли вопрос об организации работы ОУН на территории Восточной Украины. С. Бандера же собирался втянуть в ОУН Президента АН УССР А. А. Богомольца. **[110]**

По результатам разработки дела установлено нахождение складов с оружием. По показаниям арестованных проходило 206 человек.

Параллельно в связи с разгромом Львовской экзекутивы вскрывалась Ровенская областная организация (ряд руководителей арестованы, началась агентурная разработка фигурантов), Дрогобычская окружная экзекутива (арестованы 85 человек, изъято оружие), Станиславская окружная экзекутива (арестованы 97 человек, изъяты оружие, печатные аппараты, директивы ОУН) и часть организации по Тернопольской области.

Обвинительное заключение по делу Львовской краевой экзекутивы ОУН было вынесено 5 декабря 1940 г. В заключении фигурировало 59 человек, обвиняемых по статьям 542 и 5411 УК

УССР (один из обвиняемых, Шенгер П. И., также обвинялся по статьям 19, 20 и 206). Основные пункты обвинения — подготовка вооруженного восстания на сентябрь (кстати, в материалах отмечается, что арест руководства экзекутивы как раз восстание и предотвратил), шпионаж в пользу иностранной разведки (для некоторых обвиняемых, как уже указывалось выше), пропаганда фашистских идей, попытка организовать оуновские ячейки на востоке Украины. Дело было передано на рассмотрение во Львовский областной суд.

Судебный процесс состоялся 15 — 18 января 1941 г. [111] На суде все подсудимые, как уже упоминалось выше, признали вину и отказались прекратить свою деятельность. В связи с этим большинство осужденных (43 человека) были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Позже части приговоренных наказание было смягчено.

Кстати, интересно, что в качестве обвиняемого проходил и Клячківський Дмитрій Семенович, с июля 1940 г. — член краевой экзекутивы и руководитель молодежных организаций ОУН по Станиславской области. Обвинялся он в активном участии в антисоветской повстанческой организации (стандартное обвинение практически для всех фигурантов процесса, кстати, где тут фальсификации?). Виновым при следствии он себя не признал, но полностью изобличен очными ставками с членами краевой экзекутивы. Это был будущий организатор и первый «главнокомандующий» УПА «Клим Савур».

Отметим, что у подсудимых были адвокаты. В частности, по решению суда с 23 человек было предписано взыскать по 200 рублей с каждого в пользу юридических консультаций г. Львова за выступления адвокатов в суде. [112] Этой возможностью воспользовался и Клячківський.

Результативность работы органов госбезопасности привела к тому, что руководство ОУН стало эвакуировать нелегалов, занимающих видные должности в ОУН, из УССР на территорию оккупированной Польши. [113] При этом отмечались неоднократные попытки прорваться через госграницу хорошо вооруженных групп из оуновских нелегалов — руководителей подполья на Западной Украине. [114] Эти группы пограничниками активно разрабатывались и ликвидировались. [115] Также во втором полугодии 1940 г. активизировалась заброска групп и эмиссаров через границу и налаживание связей. [116]

В ответ на разгром краевой экзекутивы Краковский центр ОУН развернул деятельность по восстановлению разгромленного подполья. И это ему удалось. В частности, в докладе на имя Л. П. Берии от 13 ноября 1940 г. нарком внутренних дел УССР И. А. Серов отмечает, что деятельность украинских националистов на территории Западной Украины, особенно по Львовской области, значительно активизировалась. [117] Возросла активность вооруженных групп (т. н. случаи «политического бандитизма» и теракты против партийно-советского актива), увеличилось число диверсий и попыток вооруженного прорыва через границу. Львовская краевая экзекутива, несмотря на разгром, сумела перестроить свою работу и восстановить связи, при этом многие функционеры перешли на нелегальное положение и ушли в глубокое подполье. Констатируется, что внедрение агентуры в ОУН не привело к успехам, поскольку вновь внедренные агенты не пользуются авторитетом, а в некоторых случаях сдают информацию подпольщикам. Рекомендуются форсировать агентурную работу, особенно внедрение агентов в руководящие органы оуновского подполья и проведение через эту

агентуру разложенческой работы. Также отмечается необходимость усиления борьбы с активом подполья.

Параллельно шло следствие по делу арестованных руководителей Тарнопольской областной организации, в частности Константина Вальчика, арестованного при попытке нелегального перехода границы. Последний на допросе признался, что по его указанию был разработан план вооруженного восстания по Тарнопольской области и заявил, что восстание было сорвано главным образом ликвидацией Львовской краевой экзекутивы и разработкой областных организаций ОУН. Однако, по словам Вальчика, зарубежный провод разработал новую директиву и переслал ее с очередным эмиссаром. При этом основной задачей ставилось восстановление организации и подготовка ее к активным действиям на весну 1941 г. (вспомним, именно на весну 1941 г. первоначально планировалось нападение на СССР). Указал Вальчик и на рост численности ОУН. [118] Так, в июле было 2000 членов, а в ноябре она уже составляла 7000 человек.

Кроме того, «...Львовская краевая экзекутива по заданию закордонного центра проводила активную работу по установлению связи ОУНовской организации с националистическими формированиями из восточных областей Украины, для чего отдельные члены ОУН, главным образом женщины, знакомились с лицами, приезжавшими из восточных областей Украины, которые впоследствии обрабатывались руководящими участниками ОУН в националистическом духе и направлялись на активную антисоветскую деятельность в Восточных областях...» [119]

По материалам допросов уже упомянутого Вальчика были проведены операции по изъятию руководства и актива оуновского подполья в Тарнопольской области.

Также по материалам разработки арестованных оуновцев в западных областях Украины была проведена спецоперация по изъятию подпольщиков во всех областях одновременно сразу же после выборов в местные советы (соответствующая директива была отдана И. А. Серовым 15 декабря 1940 г.). [120]

Руководил операцией замнаркома внутренних дел УССР В. Т. Сергиенко. 21 декабря 1940 г. И. А. Серов докладывал Л. П. Берии, что всего намечено к изъятию 370 человек: по Львову — 80, изъято на тот момент 60, по Станиславщине — 88, изъято — 68, по Дрогобычской области — 62, изъято — 40, по Волыни, соответственно, 40 и 31 человек, по Тернопольщине планируется изъять 100 человек, операция только начинается.[121] Таким образом, по записке Серова, на 14.00 21 декабря 1940 г. изъято 199 человек. Во время операции по Львову найдены планы нападения на тюрьмы, дислокации частей РККА и НКВД. На следующий день в шифротелеграмме на имя Н. С. Хрущева данные по изъятию подпольщиков И. А. Серовым были уточнены. [122]

В результате этих операций арестованы: по Львову — 86 человек; по районам Львовской области — 285; по Станиславской области — 68; по Тарнопольской области — 53; по Дрогобычской области — 47; по Волынской области — 37. Итого — 576 человек.

Таким образом, в целом операция удалась.

В ходе операции убито 3 оуновца. Также убит один оперативник Львовского УНКВД и один милиционер, тяжело ранены два оперативника Львовского УНКВД.

В докладной записке на имя Л. П. Берии от 15 января 1941 г. И. А. Серов подводил итоги по борьбе с оуновским подпольем.^[123] В сентябре 1940 г. органам госбезопасности не удалось арестовать всех руководителей областных организаций и некоторых членов краевой экзекутивы. Это ядро, оставшись на свободе и перейдя на нелегальное положение, сумело перестроить работу организации и восстановить ее, организовав новые каналы связей между ячейками и с Краковским центром за рубежом. В связи с арестом Вальчика («Сум») удалось вскрыть воссозданную организацию. Арестовать намечалось 621 человека — руководящий состав, курьеров, связистов и активных членов подполья. Всего за время проведения операции арестовали 996 человек (по Львовской области — 520, Тернопольской — 133, Дрогобычской — 42, Станиславской — 235, Волынской — 56 и Ровенской — 10). В качестве успеха отмечается то, что взят актив подполья.

Позднее, в дополнении к докладной записке от 18 февраля 1940 г. на имя В. Н. Меркулова, замнаркома И. М. Ткаченко уточнил, что было арестовано 520 человек, из них 404 в ходе операции, а 116 — позже, по материалам следствия.^[124] Из всех арестованных 185 человек дали показание о своей причастности к подполью.

При аресте выяснилось, что был тщательно разработан план восстания, включающий предварительное проведение диверсионных и террористических актов, собирались сведения военного и экономического характера, готовилось нападение на тюрьмы Львова, подпольщики должны были вывести из строя электростанцию. Также выяснилось, что основная ставка делалась на молодежь и сельские ячейки. Среди вновь завербованных членов преобладают выходцы из сел и жители сельской местности. Причем сельская молодежь, поступая в городские учебные заведения, старается там организовать ячейки и наладить подпольную работу. Ячейки формировались по типу «троек» и «пятерок».

Одной из задач подполья была выход на восточные области Украины, а также Крым, Ростов и Краснодар. Ставилась задача внедряться в партийные, комсомольские и общественные организации и иметь как минимум одного человека на каждый административный район.

Террор на тот момент выдвигался в подполье как единственная форма активной борьбы и пропаганды. Кроме того, ставилась задача подобрать места для высадки парашютных десантов, а также обозначались цели для нанесения бомбовых ударов с воздуха. Неужели ОУН обзавелась на тот момент бомбардировочной авиацией? И у какого государства — противника СССР на то время были воздушно-десантные войска? Вопросы риторические.

В связи с тем, что аресты были направлены в основном против актива, зарубежный провод потребовал, чтобы члены подполья, перешедшие на нелегальное положение, были переброшены через границу, чтобы сохранить кадры. Впоследствии они к весне 1941 г. должны быть обратно переброшены в СССР для поднятия восстания. Подавляющее большинство нелегалов благодаря оперативным данным удалось задержать, часть были вынуждены отказаться от перехода границы и вернуться обратно.

Кстати, впервые в официальном документе советских спецслужб констатируется, что только оперативными мерами, без развертывания широкой пропаганды, ОУН вряд ли можно будет уничтожить.

Что касается вооруженных выступлений, или «бандпроявлений», то их на конец 1939 — начало 1941 г. насчитывается достаточно мало. Так, за 1940 г. было зарегистрировано:

- по Волини — 55 бандпроявлений (убито и ранено 5 работников НКВД и 11 человек советского и партийного актива), ликвидировано 5 групп (всего 26 человек) и 12 одиночек;
- по Львовщине на 29 мая числились 4 «политические банды» (30 человек) и 4 «уголовно-политические»;
- по Ровенщине на учете числились только уголовные банды;
- по Тарнопольщине — 3 «уголовно-политические» (10 человек);
- по Станиславщине за апрель — декабрь 1940 г. ликвидировано 5 политических и 12 уголовных бандгрупп и зафиксировано 8 терактов.[125]

Но время активизации политического бандитизма было еще впереди.

Таким образом, резюмируя работу советских органов госбезопасности за 1940 г., следует отметить, что никаких массовых арестов, «чисток» и облав не было. Также не отмечается массовых репрессий против граждан Западной Украины. Все аресты производились исключительно на основе оперативных материалов и показаний самих задержанных оуновцев. В основном арестовывался актив подполья и активные участники. Никаких особых боестолкновений не наблюдалось, что было связано именно с успешными действиями органов госбезопасности. Все аресты были полностью обоснованными и связанными не столько с антисоветской агитацией, сколько с подготовкой вооруженного восстания оуновским подпольем, террором и шпионажем в пользу Германии.

Однако организация разгромлена не была, по-прежнему засылались эмиссары из-за границы, которым удавалось восстанавливать конспиративные связи, активно проводить вербовку новых сторонников и восстанавливать подполье.

В 1941 г. активность ОУН возросла на несколько порядков. Под руководством немецких спецслужб в связи с подготовкой плана нападения на СССР националистическое подполье развернуло активную подготовку вооруженного восстания, назначенного на май месяц.

Усилилась работа по вербовке новых членов, особенно среди молодежи. Так, в докладной записке от 23 февраля 1941 г. по агентурно-следственному делу «Мечтатели» замнаркома внутренних дел И. М. Ткаченко сообщал о существовании в учебных заведениях Тарнопольской области разветвленной молодежной организации ОУН «Юнацтво».[126] Организация охватывала учебные заведения разных городов и даже средние школы. По материалам следствия проходят 47 человек, из которых на указанную дату были арестованы 24. Важно отметить, что руководство организации на допросе показало, что в ближайшие месяцы нужно ожидать войны с Германией.

О подготовке националистами восстания в Тарнопольской области на май говорилось в спецсообщении наркома госбезопасности УССР П. Я. Мешика от 21 марта 1941 г. на имя В. Н. Меркулова и Б. З. Кобулова.[127] При этом указывалось, что восстание четко увязывается с нападением на СССР Германии. На данный момент террористическая деятельность должна была быть свернута с целью не демаскировать подполье. Также указывалось на наличие связей ОУН с восточными областями Украины.

Народный комиссар госбезопасности УССР П. Я. Мешик

Очень показательна докладная записка П. Я. Мешика замнаркома госбезопасности Б. З. Кобулову об организации работы по ликвидации ОУН от 26 марта 1941 г.:

«...Практика борьбы с украинским националистическим подпольем в западных областях УССР показала, что методы, применявшиеся нашими органами, до настоящего времени не дали возможности локализовать националистическое движение.

В 1940 году в западных областях УССР было репрессировано 4.657 украинских националистов.

За январь и февраль 1941 года их репрессировано 1.462 человека.

Между тем, по действующим агентурным делам, на март 1941 года только по «ОУН» учтено 13529 участников организации, из них 426 нелегалов...» [128]

Самая большая организация насчитывалась в Тарнопольской области (8708 членов), далее шла Ровенская (1967), Станиславская (1046), затем Волынская и Львовская (785 и 765 соответственно), а также Дрогобычская (248). Отмечалось, что агентурное обеспечение оуновского подполья недостаточное, что организация очень быстро оправляется от ударов, а репрессии против рядовых членов верхушка использует для антисоветской агитации.

В связи с этим Мешик предлагал:

«...1. Всемерно углублять раскол между старой и новой генерацией «ОУН» в Краковском проводе.

2. На основе распрей между БАНДЕРОЙ и МЕЛЬНИКОМ организовать кампанию по компрометации этих лиц и их приспешников как карьеристов, борющихся за портфели и агентов германской разведки.

3. Принять возможные меры к отрыву Львовской краевой экзекутивы от центрального провода ОУН, если нужно, создать собственного «вождя», не подчиняющегося ни БАНДЕРЕ, ни МЕЛЬНИКУ.

4. В этих целях перехватить в свои руки руководство краевой экзекутивой.

5. Перевербовывая руководителей периферийных организаций, направлять их против Краковского провода и против краевой экзекутивы. Добиться таким образом раздробления организации.

6. Захваченные нами организации использовать для разложения и откола ОУНовской низовки, путем выпуска «нелегальной» литературы разоблачительного порядка.

7. Широко развернуть массовые вербовки рядовых ОУНовцев из числа социально близких нам элементов.

Вербовать такого рода агентуру из числа арестованных (в том случае, если они не участвовали в активных а[нти]с[оветских] действиях) с последующим освобождением их из-под стражи.

Направлять эту агентуру на разложение низовки организации, на разработку и поимку бандитов-нелегалов.

...В целях разоблачения перед широкими массами населения действительного лица руководителей «ОУН», было бы неплохо, если позволят международные отношения, организовать гласный процесс группы ОУНовцев бандитов и шпионов...»

А данные о подготовке вооруженного восстания между тем все продолжали поступать.

В спецдонесении на имя Б. З. Кобулова от 1 апреля 1941 г. указывалось, что в Тарнопольской области идут подготовка к вооруженному выступлению и призывы к уничтожению всех партийных и советских работников и советского актива.[129]

Данные, что на 1 мая готовится вооруженное восстание, со ссылкой на данные Тарнопольского и Дрогобычского УНКВД, содержались в указаниях наркома госбезопасности СССР В. Н. Меркулова.[130]

В связи с этим руководство УНКГБ по Львовской области испросило разрешение на проведение мероприятий по сдаче оружия, оставшегося у населения еще с 1939 г., с гарантией

освобождения от ответственности при добровольной сдаче.[131] При этом также намечалось провести операцию по вербовке агентуры и учету скрытого оружия. Такое разрешение было получено.

10 апреля 1941 г. нарком госбезопасности УССР П. Я. Мешик подписал директиву № А-128/СП об активизации работы по линии ОУН.[132]

В директиве указывалось, что ОУН ведет подготовку к вооруженному восстанию, которое намечено на период между 20 апреля и 1 мая. В связи с подготовкой из-за границы перебрасываются руководящие кадры с целью координации восстания и отдачи непосредственного приказа о начале вооруженных выступлений. Для предотвращения предлагалось подготовить все имеющиеся агентурные разработки к оперативной ликвидации с расчетом проведения операции в период с 15 по 20 апреля. Для проведения операции в Западную Украину направлялось 20 оперативных работников НКГБ СССР под руководством замначальника 3-го управления И. Г. Шевелева.¹³³ Особое внимание требовалось уделить операции по Тарнопольской области.

Помимо этого, органы госбезопасности обратили внимание на базу ОУН — родственников нелегалов, репрессированных подпольщиков и кулачество. В докладной записке на имя Н. С. Хрущева нарком госбезопасности П. Я. Мешик предлагал распространить закон об изменниках Родины на нелегалов, членов антисоветских организаций, семьи нелегалов репрессировать, семьи арестованных оуновцев выселить, также параллельно выселить кулачество. [134]

Каким же образом организовывалась работа управлений внутренних дел по пресечению деятельности оуновского подполья непосредственно в областях? Для ее характеристики приведем директиву, подписанную временно исполняющим обязанности начальника УНКГБ Ровенской области Е. Д. Лосевым.

Вначале в ней констатируется усиление диверсионной и террористической деятельности оуновского подполья. Далее идут мероприятия. Репрессивные? Посмотрим.

«...1. Силами Райотделений НКГБ, НКВД и проверенного актива обойти все семьи нелегалов ОУНовцев и сказать, чтобы их члены семей, ушедшие на нелегальное положение, явились с повинной в соответствующие органы, сдали свое оружие и прекратили борьбу с Советской властью.

2. Объяснить семьям, что за такой поступок, кроме благодарности, им ничего не будет, что им Советская власть дала землю и чтобы они работали в своем хозяйстве...»

Далее:

«...практиковать съемку ОУНовцев-бедняков из числа низовки, но не арестовывать их, а на месте в селе или райцентре, не сажая их в камеру, добиться быстрого получения от них сознаний об участии в ОУНовской организации и сказать им, что нам об этом известно не только по их показаниям, но и по другим данным, но что мы вовсе не намерены наказывать их за это и предложить им честно работать на данной им Советской властью земле, так как они обмануты кулаками...» [135]

Вот такой «пропагандистский» ход — не арестовывать вовлеченных в подполье рядовых членов, а провести с ними беседу и отпустить на все четыре стороны. Кстати, действительно, с точки зрения контрпропаганды — очень сильный ход. Сразу же выбивается почва для пропагандистских акций на тему, что органы госбезопасности арестовывают всех подряд без разбора, и если ты попал в подполье, то милости от «советов» не жди.

Еще один фрагмент:

«...6. Через сельсоветы и органы милиции оповестите население о необходимости сдачи в органы НКГБ-НКВД имеющегося на руках оружия.

Предупредите, что в случае добровольной сдачи оружия, владельцы его наказываться не будут.

Предупредите также, что в случае обнаружения у кого-либо из жителей огнестрельного оружия, без соответствующего разрешения, владельцы будут привлечены к ответственности по всей строгости закона...»

Вот такая карательно-репрессивная деятельность органов госбезопасности наблюдалась на территории Западной Украины. Читатели вправе делать выводы самостоятельно...

Осознавая всю серьезность положения, руководство органов внутренних дел требовало от своих подчиненных постоянной координации работы с органами госбезопасности. В частности, в директиве наркоматам внутренних дел и госбезопасности УССР нарком внутренних дел Л. П. Берия требовал:

«...2. Все мероприятия по преследованию и изъятию бандитов из числа оуновцев обязательно согласовывать с соответствующими органами НКГБ, оказывать последним всемерное содействие в проведении операций, выделяя в распоряжение органов НКГБ на операции необходимое количество работников милиции.

3. По запросам начальников органов НКГБ незамедлительно передавать в их распоряжение арестованных оуновцев, материалы следствия, агентурные сообщения и проч., учитывая, что задача разгрома оуновских организаций в первую очередь возложена на органы НКГБ...» [136]

А ситуация действительно была критической. Так, только по УНКВД Львовской области за 1940-й — начало 1941 г. было ликвидировано и закончено следствием 7 крупных украинских националистических формирований, в том числе 3 краевые экзекутивы ОУН с периферией, арестовано (и закончено следствием) 60 участников терактов, профильтровано (и закончено следствием) 4000 нарушителей границы, оформлено и закончено следствием дел на 6088 беженцев (нарушителей и беженцев проверяли и проверяют в обязательном порядке на предмет сотрудничества с разведорганами иностранных государств, участия в подполье или обычную уголовщину).[137]

Между прочим, в докладной записке прямо отмечалось, что имели место факты нарушения «...процессуальных норм, что в свою очередь вело к частичному возвращению дел на доследование, постоянным конфликтам с прокуратурой и тюремными ведомствами,

создавало излишнюю переписку и постоянную угрозу ответственности за создавшееся положение...».[138] Это к вопросу о «повальной фальсификации дел» в советских органах госбезопасности. Повторим еще раз — за нарушение процессуальных норм следователи несли ответственность, а дело возвращалось на доследование. При этом такая ситуация объяснима, поскольку в следственной части Львовского УНКВД за это период (с начала 1940-го до 15 мая 1941 г.) прошло производство по 20520 подследственных и отработано следственных дел на 18920 человек (более 1000 подследственных ежемесячно и более 50 дел на следователя). Руководство Львовского УНКВД просило увеличить штат следственной части на 15 человек. В резолюции наркома госбезопасности УССР П. Я. Мешика указано, чтобы это было сделано за счет сокращения штатов по восточным областям Украины.

Вступление немецких войск на территорию Украины

Перед тем, как продолжить характеристику работы советских органов госбезопасности, нужно сделать небольшое пояснение. Дело в том, что любая подпольная организация или партизанский отряд не может существовать «в подвешенном» состоянии. Для нормального существования подполью и «партизанке» обязательно нужна база. Базой служат все жители данной территории, лояльные к этому подпольному или партизанскому движению, независимо от их отношения к существующей власти. И это понятно, поскольку никакая помощь из-за границы или линии фронта не может полностью обеспечить нормальное функционирование подпольной группы или партизанского отряда. В условиях враждебно настроенных местных жителей ликвидация подполья или «партизанки» — вопрос времени. Именно местные жители обеспечивают кров, продовольствие, одежду и разведданные для подполья или партизанского отряда. Кроме того, из лояльных местных жителей вербуются или рекрутируются новые члены организации. Особую категорию составляют сельские жители, поскольку деревня или село — это маленький анклав, в котором все обо всех все знают — кто в партизанах, а кто в местных органах власти. И, наконец, отдельная группа — родственники участников подпольного и партизанского движения — самый надежный его актив и база.

Поэтому первая задача, которую себе ставит руководство спецслужб — борьба за «обывателя». Непричастных — не обижать и поощрять, причастных — удалять с повстанческой

территории всеми возможными с точки зрения действующего законодательства способами. Повторим — с точки зрения действующего законодательства, поскольку незаконные методы очень быстро становятся известными местному населению и приводят к обратному эффекту, к тому же давая противнику повод для ведения пропаганды. Только подорвав основную базу партизанского или подпольного движения, можно его задавить окончательно, так что ему никакая помощь с «большой земли» не поможет.

К пониманию этого пришло и руководство СССР. 14 мая 1941 г. выходит совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1299-526сс «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях СССР».

О чем же говорилось в этом документе? Пожалуй, главными были два пункта:

«...2. Арестовать и направить в ссылку на поселение в отдаленные районы Советского Союза сроком на 20 лет с конфискацией имущества:

а) членов семей участников контрреволюционных украинских и польских националистических организаций, главы которых перешли на нелегальное положение и скрываются от органов власти;

б) членов семей участников указанных контрреволюционных националистических организаций, главы которых осуждены к ВМН...

...4. Войска НКВД Украины расквартировать отдельными подразделениями в наиболее пораженных бандитизмом районах западных областей УССР для использования их в борьбе с бандгруппами...»[139]

Обратим внимание, что выселять предписывалось не всех подряд и не все семьи, члены которых были учтены как участники подполья, а только семьи, главы которых либо уже приговорены к высшей мере наказания, либо перешли на нелегальное положение. При этом идея была очень простая. Во-первых, лишить подполье базы. Во-вторых, дать понять подпольщикам, что антигосударственная деятельность плохо отразится прежде всего на их родных и близких. Что кстати, целиком аргументированно — почему члены семей противников власти должны пользоваться всеми правами лояльных граждан? Ведь данная ситуация ярко иллюстрирует безнаказанность и наглядно демонстрирует бессилие властей. Кроме того, с учетом психологии сельских жителей (подполье имело базой в основном села) вероятность того, что семьи не осведомлены, где находится и чем занимается их глава — маловероятна. А будущие подпольщики задумаются, чем может закончиться участие в «революции», и появится весьма вероятный шанс, что от участия в подполье их отговорят близкие. И, наконец, последнее, такая акция — единственный способ резко сбить активность подполья и быстро его ликвидировать как массовое явление. Других «рецептов» не существует. Если база не будет нейтрализована, то в лучшем случае государство ожидает затяжное ведение боевых действий на собственной территории с постоянным проведением периодических контртеррористических операций разного масштаба.

И следующий момент — действительно, подпольная и партизанская деятельность оуновцев перешла определенную «черту» — стала настолько активной, что правительство было

вынуждено расквартировать внутренние войска на пораженной «бандитизмом» территории с целью «сбить» активность террористических групп. Кстати, это косвенно подтверждает крайнюю необходимость проведения мер по выселению.

17 мая 1941 г. замнаркома государственной безопасности СССР И. А. Серов дал разъяснение по планируемому выселению[140] — на основе учтенного контингента членов семей подпольщиков-нелегалов и приговоренных к высшей мере наказания. При этом операцию приказывалось производить в соответствии с инструкцией по выселению «осадников». Приведем некоторые пункты этой инструкции[141]:

«...При выселении семей... недвижимое имущество и торгово-промышленные предприятия выселяемых конфискуются и передаются местным органам власти. Все остальное имущество выселяемые имеют право или реализовать, или взять собой к месту выселения в количестве, не превышающем по весу 100 кг на каждого члена семьи...» (пункт о бытовых ценностях и о разрешении брать с собой топоры, пилы исключен). [142]

«...Отправка выселяемых к месту выселения производится эшелонами в составе 55 вагонов каждый, оборудованных для людских перевозок...» [143] И где здесь пресловутые «теплушки»? Кстати, в эшелоне предусматривались оборудованный санитарный изолятор и вагон-лавка.

«... В каждом вагоне помещается 30 человек взрослых с детьми и вещами...» Вспомним современный плацкартный вагон и сравним. *«...Для громоздких вещей на каждый эшелон выделяется по 4 товарных вагона...»* Вот такие условия медицинского обслуживания были на самом деле — чтобы не было никаких недомолвок по поводу мифа о том, как выселяемые «в вагонах от болезней умирали».

«...Наркомздрав СССР обеспечивает эшелоны медсоставом из расчета на каждый эшелон 1 врач, 1 фельдшер и 2 медсестры с соответствующими медикаментами...»

«...В пути следования по железной дороге выселяемые получают бесплатно один раз в сутки горячую пищу и 600 г хлеба на человека. Изготовление и выдача пищи в пути производятся по заявкам начальников эшелонов трестами железнодорожных ресторанов и буфетов Наркомторга СССР...» А таким образом высылаемых «морили голодом» в вагонах.

Еще несколько цитат:

«...4. Считая необходимым проведение операции в течение светлого времени одного дня, нужно из дальних районов вашей области вывезти семьи известного контингента на автотранспорте, договорившись об этом с обл.- и райисполкомами.

Предусмотреть также возможность отсутствия лошадей и грузового транспорта у выселяемого...

...9. В случаях когда будет установлено, что нелегалы-оуновцы скрываются у двух-трех родственников или знакомых попеременно, необходимо:

родственника, в семье которого проживал нелегал и находился на его иждивении, выселять;

глав семей, где скрывался нелегал, привлекать по определенным статьям УК как пособников и укрывателей политбандитов...»[144]

23 мая 1941 г. во исполнение постановления нарком госбезопасности СССР В. Н. Меркулов докладывал:

«...Всего по западным областям УССР было намечено к изъятию 3110 семей, или 11 476 человек. Изъято и погружено в вагоны 3073 семьи, или 11 329 человек.

Области	Подлежало изъятию (чел.)	Изъято и погружено в вагоны (чел.)	Не изъято (чел.)	В том числе			
				В том числе			
				по болезни	добров. явка главы семьи	выбыли до операции в другие районы	скрылись от операции
Львовская	2325	2216	109	20		88	1
Тарнопольская	2975	2725	249	32	20	182	15
Станиславская	1471	1533	41	11	2	28	-
Дрогобычская	1683	1562	121	23	5	93	-
Ровенская	991	984	7	5	-	2	-
Волынская	1783	2079	43	10	-	33	-
Черновицкая	248	229	19	16	-	2	1

Во время операции в ряде мест опергруппам НКГБ — НКВД было оказано вооруженное сопротивление.

В результате перестрелки было изъято 66 нелегалов, из них убито 7 человек и ранено 5 человек. Скрылось 6 нелегалов...

...Во время перестрелки с нелегалами убито участвовавших в операции 2 человека и ранено 3 человека.

По сообщению с мест на станциях погрузки зачастую собирались родственники и знакомые выселяемых, которым изъятые нелегалы с возмущением передавали, чтобы возвратились нелегалы, из-за которых они страдают.

В Збаражском районе Тарнопольской области был выслан и вывезен на станцию погрузки старик Ястребовский, сын которого находился на нелегальном положении. Нелегал Ястребовский, узнав, что отец выслан, явился на станцию и, рассказав о том, что перешел на нелегальное положение, в присутствии родственников и знакомых начал просить об оставлении отца, а сам обещал искупить свою вину. Семья Ястребовского освобождена. Когда старик выходил из вагона, выселяемые кричали ему вслед: «Передайте и нашим подлецам, чтобы немедленно явились, пока нас еще не вывезли».

Аналогичные случаи имели место и по другим областям...»[145]

Операция по выселению привела к тому, что активность подполья удалось резко снизить. Кроме того, стали являться с повинной подпольщики-нелегалы. Так, «...к 20 час. 23 мая из ряда областей поступили сведения о явке 12 нелегалов, в частности по Тарнопольской области явилось 19 нелегалов, по Львовской области — 13, по Дрогобычской — 3 и по Волынской — 2...»[146]

Семьи явившихся подпольщиков, не участвовавших в терактах и активной подпольной работе, возвращали домой: «...Семьи нелегалов-бедняков, которые явятся с повинной в ближайшие дни, с нашей санкции возвращать при условии, что являющиеся нелегалы никаких террористических актов не совершали, в налетах не участвовали и являлись рядовыми оуновцами...» [147] При этом по данным на 31 мая 1941 г, приведенным в директиве наркома госбезопасности УССР П. Я. Мешика, явилось с повинной 252 нелегала.[148]

Операции по выселению продолжались и дальше, а руководство органов госбезопасности требовало, чтобы выселение следовало сразу же после перехода главы семьи на нелегальное положение.[149]

После проведения выселения основная работа была сосредоточена на оперативной ликвидации руководящего состава и актива ОУН, внедрении агентуры в руководящие центры и перехвате руководства отдельными организациями. Однако следует отметить, что эти задания выполнить не удалось. О краевой экзекутиве и областных руководящих центрах информация отсутствовала, а количество терактов и «бандпроявлений» снова нарастало. Так, в апреле было зафиксировано 38 терактов оуновцев против советского актива, 3 поджога, 7 налетов на кооперативы и сельсоветы с целью ограбления и 21 бандпроявление оуновцев-нелегалов, было убито 8 председателей сельсоветов, 7 председателей правлений колхозов, 3 комсомольских работника, 5 работников районного совпартаппарата, 1 учительница, 1 директор школы и 16 колхозников-активистов. Ранено: 5 работников районного совпартаппарата, 2 комсомольских работника, 1 председатель кооператива и 11 колхозников-активистов.[150] Большая часть терактов оставалась нераскрытой. В некоторых районах было организовано патрулирование населенных пунктов и дорог скрытыми группами работников НКВД и солдат внутренних войск.

Доклады о борьбе с подпольем от наркома госбезопасности УССР П. Я. Мешика регулярно клались на стол руководству КП(б)У. Так, в спецдонесении от 4 июня 1941 г. на имя М. А. Бурмистенко отмечалось, что по западным областям УССР арестованы 1984 оуновца, в том числе 427 нелегалов, 5 нелегалов явились с повинной.[151] В спецсообщении от 10 июня 1941 г. число арестованных возросло до 2076 человек, а нелегалов — до 446.[152]

В спецсообщении от 18 июня 1941 г. на имя Н. С. Хрущева указывалось, что арестовано 2215 оуновцев и 495 нелегальных участников ОУН. [153] В каждом спецсообщении указывались случаи убийств советского и партийного актива. Нарастало количество изъятого оружия, антисоветских листовок и литературы.

В мае число терактов еще больше возросло. В обзоре 6-го отдела 3-го управления НКГБ СССР от 16 июня указывалось:

«...Всего за май по западным областям Украины учтено 58 случаев террористических актов, в результате которых убито 57 человек и ранено 27 человек.

Террористические проявления имели место в следующих областях:

Области	Кол-во случаев	Убито	Ранено
Тарнопольская	21	15	10
Волынская	12	19	6
Ровенская	6	3	5
Станиславская	6	8	1
Львовская	9	8	5
Дрогобычская	3	3	–
Черновицкая	1	1	–

В мае было убито и ранено: председателей и секретарей сельсоветов — 10 человек; председателей колхозов и колхозных активистов — 30; партийно-комсомольских работников — 2; школьно-клубных работников — 9; работников советского аппарата — 7; работников милиции — 4; военнослужащих — 2; членов семей сельского актива — 16.

Кроме этого, бандитами-оуновцами насильно уведены и не разысканы до настоящего времени 2 депутата сельсовета и 2 работника леспромхозов...» [154]

«...Из 58 случаев террористических актов раскрыто только 17, по которым арестовано 46 оуновцев, принимавших участие в совершении этих актов...» [155]

Народный комиссар внутренних дел УССР В. Т. Сергиенко

В обзоре работы по борьбе с бандитизмом за первое полугодие 1941 г. нарком внутренних дел УССР В. Т. Сергиенко отмечал:

«...С 1 января по 15 июня 1941 года в Западных областях ликвидировано 38 политических и 25 уголовных банд с общим количеством 273 активных участников. Арестовано также 212 пособников и укрывателей бандитов.

Кроме того, выявлено и задержано 747 нелегалов и только за апрель-май т. г. арестовано и выселено 1865 активных членов украинской контрреволюционной националистической организации («ОУН»).

Во время операций убито 82 и ранено 35 бандитов — ОУНовцев, нелегалов и уголовников...

...За январь-июнь из Западных областей выселено 3.079 семейств — 11.329 человек социально-опасного элемента...

...за неделю с 22-го по 29-е мая т. г. добровольно явились в органы НКВД — 241 нелегал...» [156]

Однако ликвидировать вновь нарастающую волну террора не удавалось. На 15 июня на учете было 77 действующих бандгрупп с 366 участниками. Из них: политбанд — 51 с 274 участниками и уголовных банд — 26, с 92 участниками. Наибольшее количество банд оперировало в Тарнопольской и Волынской областях. Также значительное количество банд отмечалось по Львовской, Ровенской и Дрогобычской областям.

Таким образом, вся Западная Украина была охвачена оуновским террором. Как отмечал в своем приказе нарком госбезопасности УССР П. Я. Мешик, *«...усиление этого сопротивления в значительной мере объясняется проведением в мае с. г. выселения с территории западных областей УССР семейств нелегалов и лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, что в значительной мере сократило базу укрывателей и пособников всяких бандформирований.*

В ответ на указанное мероприятие почти во всех западных областях УССР имели место случаи зверской расправы над партийно-советским и колхозным активом, их семьями, сотрудниками НКГБ и НКВД, лицами, заподозренными в связях с нашими органами и нелегалами, явившимися с повинной...»[157]

Органам госбезопасности, несмотря на все проводимые мероприятия, не удалось разгромить оуновское подполье, ликвидировать группы боевиков и предотвратить теракты.

Причины этому были разные. В частности, само руководство органов внутренних дел отмечало, что многие операции не были подготовлены надлежащим образом, боевая подготовка оперативных сотрудников была недостаточной, плохо организовывалось преследование банд, недостаточной была агентурная работа, крайне слабо использовались розыскные собаки, среди оперативников часто отмечалось беспечное и неосторожное поведение во время операций, иногда задержанные недостаточно тщательно обыскивались на предмет оружия, многие работники плохо владели гранатами и ручными пулеметами.[158] В общем, наблюдалась слабая оперативно-боевая подготовка личного состава, в результате чего с 1 января по 15 июня 1941 г. в западных областях УССР убито 13 и ранено 30 оперативных сотрудников.

Значительную роль сыграла активная помощь немецких спецслужб оуновскому подполью, без которого оно не смогло бы продержаться так долго и быстро восстанавливаться после оперативно-чекистских мероприятий.

Важно отметить и просчеты партийного и советского руководства в политике на селе, как и на всей Западной Украине. Проиграна была также и пропагандистская работа. Серьезной причиной было также то, что чаяния сельского населения западных областей УССР не были выполнены в полной мере, что объясняется объективными причинами — за полтора года невозможно было реализовать даже небольшую часть мероприятий по подъему экономики и улучшению социально-бытовых условий присоединенных территорий, просто не хватило времени.

В результате анализа ошибок и недочетов нарком госбезопасности УССР П. Я. Мешик приказывал:

«...1. Во всех управлениях НКГБ организовать и регулярно проводить изучение оперативными сотрудниками боевого оружия и способов владения им.

2. Проводить регулярно боевые стрельбы из револьверов и винтовок...

3. Изъять из употребления оперативными сотрудниками всякого трофейного оружия, не обеспечивающего должного эффекта в боевых действиях. Разрешить ношение такового, калибром не менее 7,65, лишь в исключительных случаях, когда по условиям конспирации действий, ношение более крупного оружия может повлечь за собою расшифровку сотрудника.

4. Проверить боевые качества оружия, выданного для пользования оперативному составу, немедленно заменяя экземпляры, вызывающие сомнения в безотказном действии.

5. Провести в управлениях и РайГоротделах и отделениях НКГБ оперативные совещания сотрудников и разъяснить им необходимость максимальной мобилизации сил и усиления бдительности, как при исполнении служебных заданий, так и в личном быту. Предупредить всех чекистов о необходимости самого внимательного изучения их окружения и соседства по квартирам, в том числе и домработниц с тем, чтобы последние не могли, по заданиям вражеских формирований, совершить покушение на сотрудников и членов их семей или черпать сведения разведывательного характера. Поручить сотрудникам, чтобы они провели соответствующую воспитательную работу с своими взрослыми членами семейств по вопросам бдительности, не допуская при этом распространения паники и боязни. Привлечь к проведению этой разъяснительной и воспитательной работы партийно-общественные организации наших органов.

6. Начальникам УНКГБ систематически проверять порядок хранения в отделах управлений и районных органов секретных документов и охрану служебных помещений. Всякие нарушения в этом деле тщательно расследовать и виновных привлекать к административной, а в случаях грубых нарушений и к служебной ответственности.

7. Еще раз проработать на оперативных совещаниях вопрос о соблюдении сотрудниками максимальной конспирации в работе и решительной борьбе с болтунами и разгильдяями...

...9. О всех случаях нарушения сотрудниками конспирации в работе, личных связях с подозрительными элементами, проявлениях разгильдяйства, безответственности при выполнении боевых заданий и, особенно, трусости — немедленно сообщать мне для принятия мер...» [159]

Наконец, 21 июня 1941 г. в директиве наркома госбезопасности СССР В. Н. Меркулова предлагалось:

«...1. Подготовить совместно с органами Наркомвнудела действенные мероприятия по пресечению террористической деятельности контрреволюционных элементов в западных областях Украины, в первую очередь среди оуновцев.

2. Срочно подобрать и подготовить материалы для проведения новой массовой операции по аресту и выселению контрреволюционного, антисоветского и социально чуждого элемента в западных областях УССР...» [160]

Однако выполнить эти приказы уже не было возможности.

Через несколько часов немецкие войска перешли границу СССР — началась Великая Отечественная война...

1 *Пограничник*. — 1939, № 1. — С. 5.

2 Государственный архив Службы Безопасности Украины, Ф. 16, Оп. 32, Д. 33, Л. 1—4. (далее ГА СБУ). Также *Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне*. — М.: Книга и бизнес, 1995. — т. 1. Накануне, кн. 1. — с. 70 — 73. (далее — ОГБ кн. 1)

3 ОГБ. кн. 1 — С. 74.

4 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 32, Д. 33, Л. 6—7.

5 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 32, Д. 33, Л. 10—15.

6 Там же.

7 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 32, Д. 11, Л. 1—6.

8 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 32, Д. 33, Л. 40—42.

9 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 32, Д. 33, Л. 54—57.

10 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 32, Д. 33, Л. 62—65.

11 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 32, Д. 33, Л. 95.

12 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 32, Д. 43, Л. 140—145.

13 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 32, Д. 33, Л. 192—195.

14 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 32, Д. 33, Л. 123—137.

15 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 32, Д. 33, Л. 138—147.

16 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 32, Д. 33, Л. 159—171.

17 ГА СБУ, Ф. 9, Д. 6, Л. 147.

18 ГА СБУ, Ф. 9, Д. 6, Л. 149—151, также Государственный Архив Российской Федерации (далее — ГА РФ), Ф. Р-9401, Оп. 1, Д. 560, Л. 225—228.

19 ГАРФ Ф. Р-9401, Оп. 1, Д. 560, Л. 225—228.

20 Государственный Архив Службы внешней разведки Украины (далее — ГА СВРУ), Д. 10876, Т. 3, Л. 17—18.

21 ГА СВРУ, Д. 10876, Т. 2, Л. 501—504.

22 ГА СВРУ, Д. 10876, Т. 2, Л. 567.

23 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 33, Д. 36, Л. 14—33.

24 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 34, Д. 4, Л. 207—222.

25 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 33, Д. 36, Л. 14—33.

26 ГА СБУ, Ф. 9, Д. 43, Т. 1, Л. 85—99.

27 ГА СБУ, Ф. 6, Д. 70138-ФП, Т. 1, Л. 179—184.

28 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 33, Д. 36, Л. 14—33.

29 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 34, Д. 4, Л. 207—222.

30 ГА СБУ, Ф. 65, Д. С-9079, Т. 4, Л. 221—234.

31 Вісті з України / Видання товариства культурних зв'язків з українцями за кордоном — №82.
— Жовтень, 1961.

32 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 34, Д. 4, Л. 207—222.

33 ГА СБУ, Ф. 13, Д. 372, Т. 37, Л. 326—334.

34 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 33, Д. 36, Л. 14—33.

35 ГА СБУ, Ф. 65, Д. С-9079, Т. 4, Л. 221—234.

36 ГА СБУ, Ф. 65, Д. С-9079, Т. 4, Л. 221—234.

37 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 33, Д. 53, Л. 232—249.

38 ГА СБУ, Ф. 6, Д. 75170-ФП, Т. 1, Л. 164, 216—225.

39 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 84, Д. 8, Л. 328—337.

40 Там же.

41 ГА СБУ Ф. 16., Оп. 33, Д. 36, Л. 14—33.

42 ГА СБУ, Ф. 5, Д. 67418, Т. 1, Л. 147—158.

43 ГА СБУ, Ф. 5, Д. 67418, Т. 1, Л. 208—241.

44 ГА СВРУ, Д. 10876, Т. 1, Л. 134, 144—150.

45 ГА СБУ, Ф. 9, Д. 43, Т. 1, Л. 85—99. Также см. *Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне*. — М.: Книга и бизнес, 1995. — Т. 1. Накануне, кн. 2. — с. 188—192. (далее — ОГБ, кн. 2)

46 ОУН в 1941 році: Документи. Ч. 1 / Упоряд.: О. Веселова, О. Лисенко, І. Патриляк, В. Сергійчук. — К.: Ін-т історії України НАН України, 2006. — С. 35 (далее — ОУН в 1941)

47 ОУН в 1941. — С. 39.

48 Там же. — С. 43.

49 Там же. — С. 58.

50 Там же. — С. 59.

51 Там же. — С. 60.

52 Там же. — С. 61.

53 ЦГАОО Украины, Ф. 3833., Оп. 2., Д. 1., Л. 15—19.

54 ЦГАОО Украины, Ф. 3833., Оп. 2., Д. 1., Л. 25—33.

55 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 33, Д. 63, Л. 25—58.

56 ОГБ, кн. 1, С. 282.

57 ГА СБУ, Ф. 6, Д. 75140, Л. 36—44.

58 ГА СБУ, Ф. 13, Д. 372, Т. 37, Л. 345—347.

59 ОГБ, кн. 1, С. 172.

60 ГА СБУ, Ф. 9, Д. 34, Л. 66—79.

61 ГА СБУ, Ф. 9, Д. 34, Л. 117—128.

62 Там же.

63 *Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941. Сборник документов и материалов*. — М.: Наука, 1970. — С. 322 (далее — Погранвойска).

64 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 33, Д. 53, Л. 198—206.

65 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 33, Д. 53, Л. 232—249.

66 ОГБ, кн. 1, С. 247.

67 ГА СБУ, Ф. 13, Д. 372, Т. 35, Л. 255—276.

68 ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 33, Д. 25, Л. 14—28.

69 ГА СБУ, Ф. 6, Д. 75170-ФП, Т. 8, Л. 285—318.

70 Погранвойска, С. 347.

71 ОГБ, кн. 1, С. 280.

72 ГА СБУ, Ф. 16., Оп. 33, Д. 36, Л. 14—33.

- 73 ГА СБУ, ф. 16, Оп. 34, Д. 8, Л. 17—29.
- 74 Погранвойска, С. 357.
- 75 Там же, С. 359.
- 76 ГА СБУ, ф. 16, Оп. 84, Д. 8, Л. 351—370.
- 77 ОГБ, кн. 2, С. 99. См. также ОУН в 1941, С. 26.
- 78 ГА СБУ, ф. 65, Д. С-9079, Т. 4, Л. 221—234.
- 79 ОГБ, кн. 2, С. 159.
- 80 ОГБ, кн. 2, С. 174—175.
- 81 Там же. — С. 178.
- 82 Там же. — С. 180.
- 83 Там же. — С. 176, см. сноску 3.
- 84 ГА СБУ, ф. 9, Д. 43, Т. 1, Л. 85—99.
- 85 ГА СБУ, ф. 16, Оп. 34, Д. 8, Л. 1—14.
- 86 ОГБ, кн. 2, С. 242.
- 87 ГА СБУ, ф. 6, Д. 75170-ФП, Т. 1, Л. 164, 216—225, 231.
- 88 ГА СБУ, ф. 6, Д. 75170-ФП, Т. 1, Л. 236—243.
- 89 ГА СВРУ, Д. 10876, Т. 2, Л. 170—173.
- 90 Там же.
- 91 ГА СБУ, ф. 65, Д. С-7448, Т. 54, Л. 119—123.
- 92 ГА СБУ, ф. 5, Д. 67418, Т. 1, Л. 208—241.
- 93 ГА СБУ, ф. 13, Д. 372, Т. 39, Л. 125—138.
- 94 ГА СБУ, ф. 13, Д. 372, Т. 37, Л. 197—214.
- 95 ГА СБУ, ф. 65, Д. С-7448, Л. 15—22.
97. ГА СВРУ, Д. 10876, Т. 2, Л. 212—214.
98. ГА СБУ, ф. 16, Оп. 32, Д. 68, Л. 6—10.
99. ГА СБУ, ф. 16, Оп. 32, Д. 11, Л. 16—19.
100. ГА СБУ, ф. 16, Оп. 32, Д. 69, Л. 435—442.
101. ГА СБУ, ф. 16, Оп. 84, Д. 2, Л. 190—197.
102. ОГБ, кн. 1. — С. 172.
103. ОГБ, кн. 1. — С. 184—185.
104. ГА СБУ, ф. 9, Д. 34, Л. 66—79.
105. ГА СБУ, ф. 16, Оп. 33, Д. 53, Л. 106, 107.
106. ГА СБУ, ф. 9, Д. 34, Л. 117-128.
107. ГА СБУ, ф. 16, Оп. 33, Д. 53, Л. 133—136.

108. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 33, Д. 53, Л. 192—197.
109. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 33, Д. 25, Л. 14—28.
110. Там же.
111. ГА СБУ, Ф. 6, Д. 75170-ФП, Т. 8, Л. 395—401.
112. Там же.
113. Погранвойска, с. 333.
114. Там же. — С. 347.
115. Там же. — С. 336.
116. Там же. — С. 359.
117. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 33, Д. 25, Л. 160—162.
118. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 33, Д. 25, Л. 242—249.
119. Там же.
120. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 84, Д. 6, Л. 223.
121. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 33, Д. 25, Л. 254—255.
122. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 33, Д. 25, Л. 274—275.
123. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 34, Д. 8, Л. 17—29.
124. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 84, Д. 8, Л. 351—370.
125. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939 — 1956). — Сост. Владимирцев Н. И., Кокурин А. И. — М.: МВД РФ, 2008. — С. 13.
126. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 84, Д. 8, Л. 328—337.
127. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 84, Д. 7, Л. 243—250.
128. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 84, Д. 7, Л. 218—222.
129. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 84, Д. 7, Л. 203.
130. ОГБ, кн. 2. — С. 74.
131. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 34, Д. 16, Л. 79—80.
132. ГА СБУ, Ф. 9, Д. 43, Т. 1, Л. 54—58.
133. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 34, Д. 10, Л. 10.
134. ОГБ, кн. 2. — С. 99. См. также ОУН в 1941 году, с. 26.
135. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 34, Д. 8, Л. 253—255.
136. ОГБ, кн. 2. — С. 121.
137. ГА СБУ, Ф. 16, Оп. 34, Д. 16, Л. 158—163.
138. Там же.
139. РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 162, Д. 34, Л. 156. См. также ГАРФ, Ф. 3-5446, Оп. 1в, Д. 534, Л. 104—105.
140. ОГБ, кн. 2. — С. 147—148.

141. ОГБ, кн. 1. — С. 170—171.
142. ОГБ, кн. 2. — С. 147.
143. ОГБ, кн. 1. — С. 170.
144. ОГБ, кн. 2. — С. 147—148.
145. ОГБ, кн. 2. — С. 154—155.
146. ОГБ, кн. 2. — С. 156.
147. Там же.
148. ГА СБУ, ф. 9, д. 43, т. 1, л. 85—99.
149. Там же.
150. ОГБ, кн. 2. — С. 194.
151. ГА СБУ, ф. 16, Оп. 34, д. 7, л. 6—8.
152. ГА СБУ, ф. 16, Оп. 34, д. 7, л. 109—113.
153. ГА СБУ, ф. 16, Оп. 34, д. 7, л. 268—277.
154. ОГБ, кн. 2. — С. 240.
155. Там же. — С. 241.
156. ГА СБУ, ф. 16, Оп. 34, д. 8, л. 1—14.
157. ГА СБУ, ф. 16, Оп. 34, д. 7, л. 316—323.
158. ГА СБУ, ф. 16, Оп. 34, д. 8, л. 1—14.
159. ГА СБУ, ф. 16, Оп. 34, д. 7, л. 316—323.
160. ОГБ, кн. 2. — С. 297.